

И. Рошонци А.С. Стыкалин

Венгерская кампания русской армии 1849 года

Диалог о проблемах
и
исследованиях

Нестор-История
Москва — Санкт-Петербург
2022

УДК 94
ББК 63.3(4)5
Р81

Ответственный редактор
О. В. Хаванова

Перевод с венгерского *А. С. Стыкалина*
Перевод с французского *П. В. Мошечкова*

Карты
Бела Надь

Рецензенты:
кандидат исторических наук *В. Б. Каширин* (ИСл РАН);
кандидат исторических наук *Е. В. Котова* (ИВИ РАН)

Рошонци И., Стыкалин А. С.

Р81 Венгерская кампания русской армии 1849 года : Диалог о проблемах и исследованиях / отв. ред. О. В. Хаванова. — М. : Институт славяноведения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2022. — 104 с., ил.

ISBN 978-5-4469-2054-9
DOI 10.31168/4469-2054-9

Венгерский историк Илдико Рошонци и ее российский коллега Александр Стыкалин в формате диалога всесторонне рассматривают Венгерскую кампанию русской армии весной и летом 1849 г. Насколько реальной была перспектива распада Габсбургской монархии? Что двигало российским императором Николаем I, когда после довольно длительных колебаний он отправил в пределы империи Габсбургов 200-тысячное войско под командованием генерал-фельдмаршала графа И. Ф. Паскевича? Был ли шанс урегулирования межнациональных распри в Венгрии? Как расценивают сегодня венгерские историки решение командующего венгерского революционного войска генерала Артура Гёргей сложить оружие перед численно многократно ее превосходившей русской армией? Достигла ли своих целей Венгерская кампания и можно ли считать вмешательство во внутренние дела соседней державы отвечавшим долгосрочным интересам России во внешнеполитическом плане? С какими устоявшимися стереотипами приходится сталкиваться исследователям венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., что сделано историками в последние десятилетия, какие темы и проблемы считаются приоритетными в сегодняшней исторической науке?

УДК 94
ББК 63.3(4)5

ISBN 978-5-4469-2054-9

9 785446 920549 >

© Рошонци И., Стыкалин А. С., 2022
© Институт славяноведения РАН, 2022
© Донской П. К. (дизайн обложки), 2022
© Надь Б. (карты), 2022
© Стыкалин А. С., Мошечков П. В. (перевод), 2022
© Издательство «Нестор-История», 2022

Содержание

Венгерская кампания русской армии 1849 года. Диалог о проблемах и исследованиях	6
Документальное приложение	71
1. Ф. В. Ридигер — А. Гёргею. Балашша-Дярмат, 7 [19] июля 1849 г.	71
2. А. Гёргей — Ф. В. Ридигеру. Алшо-Жолца, 24 июля 1849 г.	73
3. Ф. В. Ридигер — А. Гёргею. Артанд, 28 июля [9 августа] 1849 г. ..	76
4. А. Гёргей — Ф. В. Ридигеру. Альт-Арад, 11 августа 1849 г.	77
5. И. Ф. Паскевич — Николаю I. Береттёуйфалу, 2 [14] августа 1849 г.	81
6. Ф. В. Ридигер — И. Ф. Паскевичу. Шиманд, 8 [20] августа 1849 г.	83
7. И. Ф. Паскевич — Ф. В. Ридигеру. Надьварад, 9 [21] августа 1849 г.	85
Список сокращений	87
Список географических карт	87
Список исторических географических названий	88
Избранная библиография по теме Венгерского похода русской армии в 1849 г.	92
Abstract	102

Венгерская революция 1848–1849 гг. означала серьезный вызов европейскому миропорядку, установленному на Венском конгрессе в 1815 г. по итогам наполеоновских войн. На неблагоприятном исходе революции сказалась незаинтересованность больших европейских держав, в том числе России, в разрушении монархии Габсбургов, воспринимавшейся как гарант европейского равновесия в силу своего срединного положения на континенте.

В центре внимания беседы двух историков Александра Стыкалина и Илдико Роцонци находится Венгерская кампания русской армии весны — лета 1849 г., одна из самых масштабных в отечественной военной истории XIX в. по количеству задействованных в ней войск. Насколько реальной была перспектива распада Габсбургской монархии, а значит, и коренного изменения всей конфигурации сил в Центральной Европе в случае победы венгерской революции? Что двигало российским императором Николаем I, когда после довольно длительных колебаний он прибегнул к военной силе в помощь Вене, отправив в пределы империи Габсбургов 200-тысячное войско под командованием наиболее выдающегося русского полководца того времени фельдмаршала И. Ф. Паскевича? Был ли шанс урегулирования межнациональных распрей в Венгрии, ослаблявших революцию, в интересах ее спасения? Как расценивают сегодня венгерские историки решение командующего венгерского революционного войска генерала Артура Гёргея сложить оружие перед численно многократно ее превосходившей русской армией? Стояли ли за этим расчеты на посредническую роль России в разрешении конфликта между домом Габсбургов и венгерским национальным движением? Принесла ли славу русскому оружию венгерская кампания и можно ли считать вмешательство во внутренние дела соседней державы отвечавшим долгосрочным интересам России во внешнеполитическом

и геостратегическом плане? С какими устоявшимися стереотипами приходится сталкиваться исследователям венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг., что сделано историками в последние десятилетия, какие темы и проблемы считаются приоритетными в сегодняшней исторической науке? Каково было историческое значение (национальное и всеевропейское) венгерской революции 1848–1849 гг., какие перспективы дальнейшего развития Венгрии оказались нереализованными вследствие ее поражения? Не привела бы победа венгерской революции к коренному переформатированию средневропейского пространства и геополитическому сдвигу, не менее, а то и еще более радикальному, чем тот, что произошел через 15–20 лет с объединением Италии, созданием дуалистической Австро-Венгрии и провозглашением Германской империи? Какое место занимают события 1848–1849 гг. в современной венгерской исторической памяти?

Илдико Рошонци — ведущий специалист по Венгерской кампании русской армии 1849 г., автор исследований, в том числе изданных на русском языке, о военных, политических и культурных аспектах участия Российской империи в подавлении национально-освободительной борьбы венгров в 1848–1849 гг. Ее труды отличаются доскональным знанием венгерских и российских архивов, корпуса опубликованных источников и историографий двух стран. Александр Стыкалин в беседе о задачах, стоящих перед историками в XXI в., ищет ответы на эти и многие другие вопросы¹.

Авторский коллектив благодарит П. В. Мошечкова за переводы с французского языка публикуемых источников, В. Б. Каширина за рекомендации при подготовке исторических карт и Т. В. Медведеву за помощь в археографическом оформлении «Документального приложения».

Тексты «Документального приложения» печатаются в соответствии с нормами современной орфографии.

Топонимика на исторических картах дана в написании, принятом в русских документах периода Венгерской кампании 1849 г., и поясняется в «Списке исторических географических названий».

¹ Текст беседы, которая легла в основу данной публикации, размещен в электронном виде на сайте журнала «Историческая экспертиза», см.: URL: https://istorex.ru/New_page_176 (дата обращения 18.10.2021).

Венгерская кампания русской армии 1849 года. Диалог о проблемах и исследованиях

А. С. Госпожа Рошонци, историкам известно, что почти 200-тысячная армия под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича вошла на территорию Австрийской империи для подавления венгерской революции только в конце весны, а в венгерские земли в начале лета 1849 г.¹ Вошла по просьбе юного императора Франца Иосифа I, хорошо понимавшего, что любое промедление в той ситуации чревато утратой домом Габсбургов власти в их большой полиэтничной империи: с конца апреля обозначилась реальная угроза нападения венгерской революционной армии на Вену. Однако уже в конце января — начале февраля 1849 г. два отряда из корпуса генерала А. Н. Лидерса, дислоцированного в Валахском княжестве, были перемещены ненадолго в Трансильванию (то есть тоже в пределы Австрийской империи) для защиты городов Херманштадт и Кронштадт, заселенных преимущественно немецкоязычным населением (саксами), лояльными империи, на случай нападения на них венгерских отрядов. Причем на удовлетворение просьбы, поступившей с австрийской стороны, император Николай I пошел после долгих колебаний. В депеше военного министерства, адресованной Лидерсу, читаем:

¹ Для сравнения: во время восстания 1831 г. в Польше находился 115-тысячный корпус генерал-фельдмаршала И. И. Дибича; во время восстания 1863 г. по состоянию на апрель численность русской армии, выставленной против польских повстанцев, была 270 тыс., а в июле возросла до 340 тыс. солдат. См.: *Kieniewicz S. Historia Polski. 1795–1918. Warszawa, 2002. S. 104, 250.* При этом следует учитывать, что цифры относятся к армии, действовавшей на территории Российской империи, в то время как в 1849 г. русская армия вступила на территорию другого государства.

Государь император признает и теперь, как и прежде, неудобным вооруженное с нашей стороны вмешательство во внутренние дела Австрии, тем более что они клонятся, по-видимому, к благоприятной развязке; в таких обстоятельствах вступление войск наших, не вынужденное крайнею необходимостью, неминуемо затруднило бы общие в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее время поводом к подобному вмешательству других правительств во вступление во внутренние дела соседних государств. Но его величество, по свойственному Ему человеколюбию, не может не обратить милосердного внимания на явную опасность, которой подвергаются верные своему законному Государю жители Германштадта и Кронштадта в столь близком расстоянии от расположения войск наших. Следуя сим только высоким побуждениям, его величество находит возможным двинуть часть войск наших на защиту этих городов от гибели и разорения, но иначе как в самой крайности и только по настоятельной просьбе Австрийского военного начальства².

Из этой цитаты может создаться впечатление, что невмешательство во внутренние дела соседней державы носило для Николая I до некоторой степени концептуальный характер, он не хотел излишних международных осложнений и отступить от своих принципов мог только в самом крайнем случае — если осознавал всю серьезность угрозы распада Габсбургской монархии и последующего хаоса вблизи границ собственной державы.

Мой вопрос: насколько длительная дипломатическая подготовка и какие уговоры с австрийской стороны предшествовали участию русской армии в подавлении венгерской революции? И какое внимание в Петербурге уделили тому, чтобы прозондировать возможную реакцию других держав на вхождение российской армии в пределы Австрийской империи? Известно ведь, что с началом победоносного весеннего похода венгерской революционной армии активизировались дипломатические контакты Санкт-Петербурга не только с Веной, но и с другими европейскими столицами, в ходе которых обсуждалось положение в Венгрии. А 21 мая Франц Иосиф приехал в Варшаву на встречу с императором Николаем, чтобы обговорить с ним подробности действий русских войск. Это

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 208–209.

было в тот самый день, когда революционная венгерская армия взяла после длительной осады под полный контроль Пешт и Буду...

И. Р. 15 марта 1848 г., то есть день, когда в Пеште состоялась мирная, ненасильственная революция — это именно та дата, с которой связано для венгров богатое историческое наследие 1848–1849 гг., во многом сформировавшее их национальную идентичность.

А теперь давайте начнем разговор с указанной Вами даты. 21 мая³ — символическая дата в истории борьбы венгров за национальное освобождение. В этот день была одержана значительная военная победа, но на этой дате лежит также печать будущего военного поражения, ставшего в конце концов неизбежным. Да, действительно, 21 мая 1849 г., после 17-дневной осады Будапештской крепости, над ней был водружен венгерский триколор. Столица страны вновь оказалась в руках венгерских национальных сил. Спустя почти пять месяцев после того, как в начале января в ситуации, казавшейся довольно безнадежной для будущего Венгрии, правительство было вынуждено, оставив Пешт-Буду, переехать в Дебрецен, оно возвращалось теперь на свое прежнее место. И в тот же самый день 21 мая 1849 г. российский император Николай I и австрийский император Франц Иосиф I в ходе переговоров в Варшаве договорились о конкретных деталях военной помощи, которую Российская империя должна была оказать соседней Австрийской империи.

Здесь можно вспомнить и гораздо более позднее событие, также пришедшееся на 21 мая. В 1916 г. в этот день, на рассвете, после продолжительной болезни, ушел из жизни 98-летний Артур Гёргей, в прошлом главнокомандующий венгерской армией в национально-освободительной войне. Это был боевой генерал, с именем которого связано не только взятие в мае 1849 г. Будапештской крепости, но и многие другие решающие, оставшиеся в национальной памяти успехи венгерских революционных войск. Генерал, чье полководческое мастерство удостоилось похвал и его русских противников. В то время как политическим лидером венгерской революции был Лайош Кошут, ее военным лидером мы можем сегодня по праву

³ Далее в тексте даты приведены по григорианскому календарю, который используется сегодня. В цитатах из источников того времени, где стоят даты по юлианскому календарю, даты по григорианскому календарю приводятся в скобках. Это делали и российские участники тех событий, ведь важным условием общения было избежать недопонимания.

считать Артура Гёргея — и это после более чем 170 лет жарких дебатов в связи с оценкой его деятельности.

Вышеупомянутую встречу правителей 21 мая 1849 г. можно рассматривать как кульминацию переговоров о военных действиях, которым предшествовали почти два месяца зондирования почвы, а затем и выработки все более и более конкретных договоренностей. Эти переговоры продолжались и после 21 мая, так что об обязательствах Австрии по отношению к российским войскам, пересекающим границу Австрийской империи, удалось договориться только к 10 июня 1849 г., подписав соглашение. Как бы то ни было, начиная с первых дней мая 1849 г. на территорию Австрийской империи, в Галицию, вводились всё новые контингенты русских войск.

Предоставленная Россией военная помощь оказалась намного большей, чем ожидало австрийское правительство. Первоначально австрийцы были бы рады видеть только задействование довольно ограниченной по численности группировки российских войск, причем желательно на второстепенных театрах военных действий. Однако уже в самом начале переговоров Николай I обусловил предоставление помощи соблюдением двух условий, о которых мы узнаем из депеши канцлера К. В. Нессельроде русскому посланнику в Вене П. И. Медуе от 6 апреля 1849 г.:

1. Что корпуса, призванные переступить границу, будут достаточно многочисленны для того, чтобы самостоятельно выполнить поставленную перед ними задачу.
2. Что эти корпуса не будут присоединены к австрийским войскам <...>⁴.

В пояснительной записке Нессельроде вспоминал о судьбе небольших по численности отрядов под началом генерала А. Н. Лидерса, командира 5-го пехотного корпуса русской армии, дислоцированного в то время в Валашском княжестве. Они были введены

⁴ Нессельроде — Медуе, Санкт-Петербург, 25 марта (6 апреля) 1849 г. Оригинал послания на французском языке см.: *Andics E. A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete.* Budapest, 1961. 339–340. old. На русском языке см.: Проект депеши гр. Медема (правильно: Медуе. — *И.Р.*) в Ольмюц 25 марта (6 апреля) 1849 г. см.: *Авербух Р.* Николай и европейская реакция 1848–1849 гг. // Красный архив. М., 1931. № 47/48. С. 33–34.

в Трансильванию зимой 1849 г. по призыву командующего австрийскими имперскими войсками в этом крае генерала Антона Пухнера — Вы уже упомянули об этом. Русские войска численностью 7–8 тыс. человек вошли в города Херманштадт и Кронштадт, не ощущая при этом никакой австрийской поддержки, и были изгнаны венгерскими войсками — ими командовал в Трансильвании генерал Юзеф Бем. Нессельроде писал:

Несчастные события в Трансильвании доказали его величеству, насколько частичная помощь компрометировала бы, с одной стороны, его войска, а с другой стороны, оказалась бы недостаточной для того дела, которое Австрия защищает с такой энергией⁵.

Совершенно понятно и не нуждается в объяснении, что Николай I продолжал и дальше настаивать на этих условиях. С этим соглашался и генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, доверенное лицо императора в вопросах военной политики и европейских делах — в силу своего статуса наместника Царства Польского и главнокомандующего 1-й (Действующей) армии он принимал активное участие в подготовке военной интервенции.

В течение апреля 1849 г., во время своего победоносного так называемого весеннего похода, венгерская армия вытеснила австрийские войска из междуречья Дуная и Тисы, а затем, в соответствии с хитроумным военным планом генерала Дёрдя Клапки, обошла Пешт-Буду и сняла 26 апреля осаду замка Комаром. Австрийский главнокомандующий, фельдцехмейстер барон Людвиг фон Вельден, оставив в Будайской крепости гарнизон, был вынужден из опасений, что окажется в окружении, покинуть со своим войском венгерскую столицу, и начал поспешно отступать к западной границе страны. Но перед этим, 20 апреля, в письме премьер-министру князю Феликсу Шварценбергу он написал, что видит только один выход из осложнившейся ситуации: «Теперь спасение Монархии зависит только от скорейшего вторжения русских из Кракова в Венгрию, я не вижу внутренней силы, которая могла бы спасти нас»⁶. Так на заседании Совета министров

⁵ Там же.

⁶ Вельден — Шварценбергу, Эстергом, 20 апреля 1849 г.; цит. по: *Andics E. A Habsburgok és Romanovok szövetsége*. 358–359. old.

Австрии 21 апреля и родилось решение об обращении к России с официальной просьбой о военной помощи, эта просьба была сформулирована и в собственноручном письме Франца Иосифа Николаю I от 1 мая.

Следует заметить, что тогда, в апреле, российский двор пока еще не предполагал выступить со столь масштабной военной силой, как это произошло позже в ходе венгерской кампании. Согласно первоначальным русским планам, генерал Ф. В. Ридигер должен был вторгнуться в Венгрию из Галиции во главе усиленного 3-го пехотного корпуса. Только в письме от 5 мая, когда до царя Николая дошли известия о прямой угрозе Вене, он доверил руководство операцией самому фельдмаршалу Паскевичу и писал ему:

Может о сю пору Вена уже в руках мятежников. <...> Надо, чтоб ты сам вел свои армии на новую славу, на великодушную помощь <...> Конечно, не мне тебе начертать план, об одном прошу, не увлекаясь просьбами австрийцев, дай себе срок собрать все условия успеха и тогда с Богом, действуй как на наших врагов быстро, по-русски. Не щади каналов. Ежели Вена и потеряна, дело ты исправишь, уничтожив гнездо бунта⁷.

И решение царя поставить во главе кампании наиболее авторитетного русского военачальника само по себе также означало, что против Венгрии будут брошены силы, самой своей численностью достойные того, чтобы ими командовал этот полководец. Основываясь на известных данных, мы также можем сказать, что до 1849 г. (и даже в эпоху еще более значимых для России наполеоновских войн) русская армия никогда не выставляла столько сил в европейской кампании, сколько она развернула против Венгрии. А Паскевич никогда прежде не возглавлял армию такой численности.

Российский двор, конечно, должен был взвесить: какой может быть реакция западноевропейских держав на эту акцию? В тех условиях, по сути, имелась в виду только Англия, поскольку французское правительство, рожденное революцией, было признано русским императорским двором только весной 1849 г. и этим

⁷ Николай I — Паскевичу, С-Петербург, 23 апреля (5 мая) 1849 г. См.: *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. 1848–1849. СПб., 1899. Т. 6. С. 288–289.

практическим шагом оно было обезоружено. И Лондон, и Санкт-Петербург были заинтересованы в поддержании баланса сил на континенте, установленного в 1815 г. В основе этого баланса лежало существование сильной и целостной центральноевропейской империи Габсбургов. Распад Австрийской империи мог нарушить *status quo* и, как следствие, привести к созданию единой Германии. Таким образом, и российские, и британские власти были обеспокоены устремлениями к единству Германии, как и планами Пруссии, которым хотя и суждено было сбыться, но позже.

Позицию английского правительства в связи с российской военной интервенцией в Венгрию сформулировал в начале мая 1849 г. министр иностранных дел лорд Пальмерстон. В донесении канцлеру К.В. Нессельроде от 11 мая 1849 г. посол России в Лондоне барон Ф.И. Бруннов изложил мнение Пальмерстона следующим образом: «Кончайте поскорее с этим». И прибавил:

Если наше энергичное и быстрое действие будет сопровождаться решительным и скорым результатом, то Англия примет факты такими, как они есть, если не без сожаления, то, по крайней мере, без спора.

При этом он сослался на мнение победителя в битве при Ватерлоо, пожилого и очень влиятельного консерватора герцога Веллингтона:

— Постарайтесь, — сказал он мне, — действовать большими массами, с достаточными силами, для того чтобы подавить анархию сразу. Ведите большую войну — с большими средствами. Вы ими обладаете⁸.

Бруннов отметил, что скорость осуществления этой акции была вызвана резкой диспропорцией в соотношении сил между противоборствующими сторонами: армии двух великих держав настолько превосходили противостоящих им венгров, что в случае затяжной войны симпатии к венграм в английском общественном мнении, ценящем конституционность, могли бы усилиться и правительству следовало с этим считаться: против «сознания неравенства в борьбе

⁸ Деша барона Бруннова графу Нессельроде, Лондон, 29 апреля (11 мая) 1849 г., см.: *Авербух Р.* Николай и европейская реакция 1848–1849 гг. С. 40–43.

между Венгрией и соединенными силами Австрии и России <...> восстает английский инстинкт»⁹.

А по поводу высказывания о том, что невмешательство во внутренние дела соседней державы носило для Николая I концептуальный характер, я могу лишь заметить, что в манифесте, обнародованном 26 марта 1848 г. как своего рода ответ на революционные движения, вспыхнувшие в Западной Европе, которые также достигли Австрии и Прусского королевства, русский император действительно дал понять, что он будет действовать именно тогда, когда неприкосновенность российских границ окажется под угрозой:

Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и не щадя себя будем, в неразрывном союзе со святою нашею Русью, защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших¹⁰.

Николай имел в виду польские освободительные движения, ставившие целью борьбу за возрождение независимого польского государства. Наместник Царства Польского фельдмаршал Паскевич уже в 1848 г. увеличил численность русских войск, размещенных вдоль западных границ империи (соответственно границ с Пруссией и Австрией), и увеличил запасы продовольствия. Все эти меры тоже можно назвать превентивными мерами обороны, но весной 1849 г. именно благодаря им удалось подготовить армию к заграничному походу в относительно короткие сроки. К этому можно добавить, что летом 1848 г. русские войска оккупировали Молдавию и Валахию, ссылаясь на Адрианопольский мир 1829 г. и на необходимость поддержания там порядка.

А. С. Не преувеличивается ли в литературе иногда масштаб угрозы для самого существования Габсбургской империи, которая создалась весной 1849 г. с наступательным походом венгерской армии? Может быть, все дело в том, что Габсбурги все ещё были связаны в это время боевыми действиями в Северной Италии (или необходимостью удерживать под контролем свои итальянские

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: *Ореус И.* Описание венгерской войны 1849 г. СПб., 1880. Приложения. С. 1.

провинции) и не хотели, жертвуя своими интересами, перебрасывать часть войск на «восточный фронт», а потому и обратились за помощью к Николаю?

И. Р. Да, иногда действительно преувеличивается. Мощь венгерской революционной армии преувеличивалась австрийцами — как правительством, так и военным руководством, ведь им необходимо было как-то обосновать, почему они обратились к Санкт-Петербургу за военной помощью и почему они в конце апреля — начале мая 1849 г. так торопили русских с оказанием этой помощи. Австрийское правительство опасалось, что победоносно наступающая венгерская армия сможет даже достичь Вены и что имперские силы, сломившись при всей своей самоуверенности, не смогут защитить столицу. (Между прочим, в австрийской историографии мы находим разные взгляды на то, действительно ли было необходимо обратиться за помощью к России, чтобы подавить борьбу венгров за независимость, или же имперские войска могли нанести им поражение собственными силами.)

Мощь венгерского вооруженного сопротивления преувеличивалась также русскими, ведь они тоже должны были найти какое-то объяснение, почему им пришлось двинуть на подавление венгерской войны за независимость такие огромные силы, причем, как уже упоминалось, под командованием фельдмаршала Паскевича, наиболее авторитетного в то время русского военачальника. Кроме того, и российские историки — биографы Паскевича, в стремлении создать образ успешного во всех отношениях полководца также зачастую были склонны к преувеличению масштабов венгерской кампании. Правда, в этом случае ситуация сложнее, поскольку русские военные историки второй половины XIX в., равно как и хорошо подготовленные штабные офицеры, непосредственно участвовавшие в венгерской кампании и оставившие воспоминания о ней, довольно критически оценили деятельность Паскевича в качестве полководца, руководившего этой военной экспедицией.

Но давайте посмотрим на конкретные данные. Численность венгерской революционной армии летом 1849 г. можно оценить примерно в 150 тыс. человек, более точных данных нет. В распоряжении этого войска было 464 полевых орудия и 393 орудия, предназначенных

для обороны крепостей. И эта армия оказалась способна вытеснить имперские войска почти с 90 % территории Венгрии.

Даже если вкратце, безусловно следует указать, что за этими военными победами стояло сплочение большей части населения страны вокруг правительства, которое стремилось защитить достижения мартовской революции 1848 г. и с этой целью оказывало вооруженное сопротивление имперским войскам. Политика, направленная на согласование интересов отдельных социальных групп, принесла свои плоды. Следует отметить, что речь идет об аграрном обществе, промышленность была неразвита, буржуазия — слаба, социальная напряженность раннего капитализма еще не проявилась в полной мере. В основе революционной программы лежало расширение прав, а не их сужение для части населения. Самая важная из принятых мер — освобождение крепостных: были упразднены барщина, обязательные работы на помещиков, крепостные обрели личную свободу, в то же время отмена крепостного права сопровождалась компенсациями, полученными от государства, и на деле означала, что освобожденный крестьянин получал в собственность свой надел, но и дворянство не несло разорительных убытков. Конечно, реализация на практике многих этих мер была прервана или отложена из-за продолжавшихся боевых действий. Однако в этом сотрудничестве и единении разных слоев общества следует искать истоки силы венгерского вооруженного сопротивления императорской армии. Русские тоже задавались вопросом: что же наделило венгерский «бунт» столь неожиданной мощью — князь М. Д. Горчаков, генерал от артиллерии, начальник штаба армии, расспрашивал об этом генерала Гёргея, когда тот уже находился в плену¹¹. Между тем продолжавшаяся почти год война, содержание и снабжение населением армии истощили страну к лету 1849 г., исчерпали ее резервы, на которые все меньше и меньше можно было полагаться.

Общее количество военнослужащих австрийской армии в июне 1849 г. составляло 583 488 человек, из которых было 419 445 годных к боевой службе. На венгерской территории находилось до 165 тыс.

¹¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18404. Записка Г. Военного Министра и копия с разговора Генерал-Адъютанта князя Горчакова с предводителем мятежных Венгерских войск Артуром Георгием. Опубликовано на венгерском языке, см.: *Rosonczy I. Görgei orosz fogságával kapcsolatos dokumentumok // Hadtörténelmi Közlemények. 2018. 131. évf. 1. sz. 121–137. old.*

военнослужащих, это войско располагало 770 пушками (половина из которых предназначалась для обороны крепостей). С точки зрения снабжения и оснащения она имела, конечно, преимущества над своим противником. Хотя некоторые дополнительные силы могли быть переброшены из Италии для защиты Вены, и, в частности, в Венгрию, фельдмаршал Йозеф Радецкий, командующий австрийской армией в Италии, дал понять, что, несмотря на победу над войсками Сардинии и Пьемонта под Новарой 23 марта 1849 г., он не может отказываться даже от части своих войск.

Вышеприведенные данные показывают, что к началу лета 1849 г. в Венгрии между противоборствующими сторонами сложилась ситуация определенного равновесия. Венгерская армия была достаточно сильна, чтобы вытеснить имперские войска с большей части территории страны, но не настолько, чтобы выиграть генеральное сражение. Австрийское войско тоже не было способно нанести решающее поражение гонведам¹², но его командование все же сумело отвести часть сил поближе к границам и воспользовалось возможностью провести реорганизацию. Однако на это потребовалось время. В сложившейся ситуации равновесия возможным решением стало нахождение компромисса, заключение соглашения между двумя сторонами. Однако австрийское правительство не пошло по этому пути. Выбор был сделан в пользу военных действий, при этом пришлось обратиться к помощи извне.

Согласно официальным данным того времени, численность российских войск, вошедших в Венгрию, составляла 192 тыс. человек, и они располагали 584 орудиями. В Галиции, Валахии и Молдавии были также дислоцированы русские оккупационные войска общей численностью в несколько десятков тысяч человек (точная цифра может быть установлена на основе сравнительного анализа разных источников, это может стать предметом отдельного исследования). Вместе армии двух великих держав более чем в два раза превосходили по численности венгерскую армию. Степень этого превосходства могла варьироваться на разных полях сражений, однако военная победа русско-австрийского союза, как выразился Гёргей, была «математической очевидностью».

¹² *Гонведы* — солдаты венгерского революционного войска, букв. «защитники родины» (венг.: *honvéd*).

А. С. Известно, что среди генералов венгерской революционной армии видное место занимали польские военачальники, участники восстания 1830–1831 гг. Наиболее успешным из них был сражавшийся в Трансильвании Юзеф Бем. Из рапортов о ходе боевых действий и других документов выясняется, сколь большое внимание уделялось в России участию поляков в венгерской революции. Так, в одном из документов встречается вполне резонное предположение одного из русских офицеров о том, что Бем планировал, «утвердив свою власть в Трансильвании», двинуть затем армию в другие земли, находившиеся под скипетром Габсбургов, — сначала в Буковину, а оттуда «перенести сколь можно скорее театр возмущения в Галицию»¹³. Можно предполагать, что он в идеале мыслил полное и окончательное решение польского вопроса не иначе, как на руинах Габсбургской империи. А это в свою очередь не могло не дать мощный толчок подъему польского национального движения в Российской империи. Как признанный знаток мемуаров русских офицеров — участников венгерской кампании, Вы знаете, что образ не просто поляков, но именно польских бунтовщиков — врагов российской государственности — постоянно мелькает на страницах мемуаров — при том, что их писали люди, иногда различавшиеся по убеждениям. Мы уже говорили о том, что решение о посылке армии на помощь Габсбургам было принято Николаем I после долгих колебаний. Вопрос: какую роль в принятии этого решения сыграли именно опасения новой «польской интриги», угрожающей целостности Российской империи? Мы знаем, конечно, какую роль играл в то время «польский вопрос» — поляки (особенно польская элита) выступали важнейшим центробежным фактором в Российской империи. И все-таки: не раздували ли в тех условиях при царском дворе эту польскую угрозу безопасности империи? Действительно ли ситуация в соседней Галиции представляла столь большую опасность для российской державы?

И. Р. После полной ликвидации в 1795 г. польской государственности польская эмиграция, конечно же, прилагала большие

¹³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 197–198. Рапорт обер-квартирмейстера 5-го пехотного корпуса полковника Непокойчицкого из Бухареста генерал-квартирмейстеру главного штаба генерал-адъютанту Бергу. 22 января 1849 г.

усилия в интересах возрождения своего независимого государства и стремилась использовать для этого любой конфликт, направленный против соседних держав, которые разделили Речь Посполитую. Так было и в 1848–1849 гг. Австрийское правительство, побуждая царя Николая I к вооруженному вмешательству, подчеркивало, что в рядах венгерской армии сражались 20 тыс. поляков. С российской стороны, конечно, признали, что это число было сильно преувеличено. Д. П. Сонцов, впоследствии известный нумизмат и собиратель древностей, участвовал в венгерской кампании в качестве адъютанта Паскевича. В воспоминаниях он отметил, что одной из причин интервенции была «масса Польских выходцев, приютившихся в Венгерской армии», хотя, по оценке Сонцова, «эти выхваляемые Польские полки» едва ли превышали по своей общей численности 2000 человек, причем всякого «сброда»¹⁴.

Хотя Сонцов и недооценил количество поляков, сражавшихся в Венгрии, он все же привел цифры, близкие к реальности. Сегодня мы знаем, что общее количество поляков, сражавшихся на стороне венгров как в Венгрии, так и в Трансильвании, могло составлять 4–5 тыс. человек, которые воевали как в составе польских легионов, так и непосредственно в рядах венгерской армии гонведов. Однако венгерское правительство, не желая провоцировать вмешательство России, какое-то время не поддерживало формирование польских легионов, а также запретило вторжение венгерских войск в Галицию.

В венгерской армии на высших командных должностях было два польских генерала. Один из них — Юзеф Бем, главнокомандующий трансильванской армией, завоевавший доверие революционного правительства военными успехами. Венгерская историческая память относит его к числу национальных героев Венгрии. Его полководческий талант высоко оценили и его российские противники. Кошут неоднократно предлагал Бему пост главнокомандующего венгерскими вооруженными силами, но назначен он был только в последние дни войны. Другим польским генералом был известный военачальник Хенрик Дембинский, дважды командовавший главной венгерской армией. Однако сколь удачен был выбор Кошутом

¹⁴ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании (Заметки участника и очевидца). М., 1871. С. 4.

Бема в качестве председателя Венгерского комитета национальной обороны, а с провозглашением 14 апреля 1849 г. Декларации независимости — президента-регента, столь же неудачен оказался выбор Дембинского на роль главнокомандующего венгерскими вооруженными силами.

Известно, что Николай I, обосновывая необходимость интервенции, действительно ссылался на участие поляков в тех событиях:

Не одна помощь Австрии для укрощения внутреннего мятежа, и по ее призыву, меня к тому побуждает, чувство и долг защиты спокойствия пределов Богом вверенной мне России меня вызывают на бой, ибо в венгерском мятеже явственно видны усилия общего заговора против всего священного и в особенности России, ибо в главе мятежа и главными орудиями его вечные враги наши, поляки¹⁵.

Однако в 1848–1849 гг. русскому правительству не приходилось опасаться расширения польского движения в Галиции или же его распространения на земли «русской Польши». Трагический опыт крестьянского восстания 1846 г., в котором участвовало не только русинское, но и этнически польское крестьянство, побудил галицийскую польскую знать к осторожности. Многие русские офицеры — участники Венгерской кампании 1849 г. — вспоминали о дворянских усадьбах, разрушенных во время крестьянского восстания. Польские дворяне, около тысячи человек, были убиты в 1846 г. в Центральной Галиции вследствие волнений именно польских, а не украинских крестьян. На примеры из событий в Центральной Галиции (в Пилзне и Дукле) ссылаются и русские мемуаристы¹⁶.

Таким образом, присутствие поляков в Венгрии было, с моей точки зрения, прежде всего предлогом для российского военного вторжения, главную же причину его следует искать в военных успехах венгров. Если бы не происходившие одна за другой весной 1849 г. победы армии гонведов, дело не дошло бы и до операции русских войск на территории Габсбургской монархии. Если бы

¹⁵ Николай I — Паскевичу, Москва, 13 (25) апреля 1849 г. Цит. по: *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 284.

¹⁶ *Лихутин М.* Записки о походе в Венгрию в 1849 году. М., 1875. С. 22–23, 31–32. См. также: РГВИА. Ф. 172. Семякин К. Р. 1836–1867. Оп. 1. Д. 2. К. Р. Семякин — жене, Пилзно, 12 (24) сентября 1849 г. Л. 260–261 об.

армия Франца Иосифа весной 1849 г. нанесла решающее поражение войску гонведов, сражавшиеся на венгерской стороне поляки никого особенно не занимали бы, не считая, конечно, того, что подданные русского царя непременно были бы экстрадированы в Россию. Кроме того, героями великой серии побед весны 1849 г. были в первую очередь венгерские генералы Артур Гёргей, Дёрдь Клапка, Янош Дамьянич (этнический серб), Лайош Аулих (этнический немец) и др.

В связи с участием поляков надо отметить и еще одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что гораздо больше их (если говорить о происхождении или родном языке этих людей) служило в качестве призванных солдат или офицеров в армиях трех держав, разделивших страну, нежели в венгерской армии. И подавляющее большинство из них сражалось соответственно под знаменами Австрийской и Российской империй. Нам известны дневники времен Венгерской кампании, написанные офицерами русской армии на польском языке, но их верноподданические чувства царю невозможно подвергнуть сомнению¹⁷. Случалось так, что солдат русской или австрийской армии польского происхождения и солдат польского происхождения, служивший в венгерском войске, оказывались друг против друга по разные стороны линии фронта на венгерском театре военных действий. Конечно, особое внимание российское военное командование уделяло солдатам польского происхождения, но особенно офицерам. Приказом фельдмаршала Паскевича от 25 мая 1849 г. перед командирами всех военных формирований была поставлена задача:

<...> иметь строгое наблюдение, дабы <...> воинские чины <...>, а особенно офицеры имели сколь можно менее сношение с жителями, тем паче городскими, которых превратный образ мнений мятежем посеянный, может иметь самое вредное влияние <...>.

¹⁷ Михаловский Е.Е. Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 года. Страница из истории 1 батареи 4 артиллерийской бригады / опубликовал Ив. Павлов // Журнал Императорского Русского Военно-исторического общества. 1910. №5. С. 1–17. В приложении к публикации приведена одна страница на польском языке из рукописного оригинала; *Tomaszewicz W. Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku / oprac. T. Epszstein. Warszawa, 2010.*

в особенности Вы должны наблюдать за офицерами из польских уроженцев¹⁸.

Были разные мелкие судебные дела с участием солдат польского происхождения, но мы знаем только об одном случае, когда молодой офицер русской армии, корнет 7-го (Вознесенского) уланского полка Конрад Руликовский — поляк по происхождению и образу мыслей — искал подходящий повод, чтобы перейти на сторону венгров. И он это сделал. А когда венгерское войско сложило оружие, он вернулся в свою часть, как будто освободился из венгерского плена. Однако все выяснилось, и он предстал перед военным судом, его казнили 28 августа 1849 г. в Надьвараде¹⁹. История с Руликовским вдохновила венгерского писателя-коммуниста Белу Иллеша на то, чтобы выдать за реальную историческую фигуру выдуманного им некоего русского капитана Гусева, якобы казненного за сочувствие венгерским революционерам. Вы, Александр Сергеевич, первым в русской специальной литературе анализировали эту историю²⁰.

А. С. Когда политическая элита революционной Венгрии и — более широко — венгерское общество реально почувствовали угрозу силового вмешательства соседней державы во внутренние дела Габсбургской монархии?

И. Р. Развивая сказанное выше, замечу: активно включавшееся в политику венгерское дворянство с конца XVIII в. волновала судьба польского государства, разделенного соседними державами, оно проявляло симпатию к полякам, следя за событиями

¹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5368. Бумаги, относящиеся до венг. камп. после ген. Семякина. Л. 14–14 об. Приказ генерал-лейтенанта Ф. С. Панютина — полковнику К. Р. Семякину, Пресбург, 4 июня 1849 г., составленный на основании приказа главнокомандующего генерал-фельдмаршала Паскевича от 13 (25) мая 1849 г.

¹⁹ Подробнее на русском языке см.: *Рошонци И.* Тема славянского языкового родства и многоязычия в воспоминаниях русских офицеров — участников венгерской кампании 1849 г. // *Центральноевропейские исследования.* 2019. Вып. 2(11) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2020. С. 61–79.

²⁰ *Стыкалин А. С.* Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // *Историческая экспертиза.* 2014. № 1. С. 38–54.

польско-русской войны 1830–1831 гг. В силу исторических причин близких по менталитету польское и венгерское дворянство связывали многочисленные экономические и торговые узы. Поляки (участники разных восстаний) нередко находили убежище в Венгрии, особенно в ее северных комитатах (австрийские власти не могли воспрепятствовать этому, когда дело касалось территории Венгерского королевства). Тот факт, что целая страна, причем одно из самых значительных средневековых королевств Европы, могла быть удалена с карты континента, вызывал озабоченность венгерской политической элиты, которая остро переживала одиночество венгров в Центральной Европе, отсутствие родственных по языку народов среди близких соседей. В эпоху национального возрождения она особенно настойчиво пыталась побороть эти навязчивые представления о возможной гибели венгров как нации, прекращении их национального существования. И в то же самое время во все более широких слоях соседних славянских народов осознавались принадлежность к единому славянскому миру, языковое родство, а политические лидеры этих народов все более видели в крупнейшем славянском государстве, России, своего покровителя.

Венгерское правительство, сформированное в 1848 г., не оставило без внимания и возможный сговор великих держав для того, чтобы решить сообща судьбу венгров, боровшихся за национальное самоопределение, или предоставить друг другу свободу действий в силовом подавлении венгерской революции. Между прочим, в марте 1848 г., еще до начала революции, граф Дёрдь Аппони, консервативный политик, а в то время венгерский канцлер, обратил внимание известного политика-реформатора графа Иштвана Сечени на возможность русского вмешательства. По его мнению, если реформаторское крыло, заседающее в Государственном собрании Венгрии, пойдет слишком далеко в требованиях конституционных реформ в Австрийской империи, Вена может обратиться к помощи России. Венгерское правительство, сформированное после революции, в июле 1848 г. через министерство иностранных дел Австрии запросило у российского посла графа П. И. Медема прояснений относительно возможной российской оккупации Молдавского княжества. Министр венгерского правительства князь Пал Эстерхази получил от Медема успокоительный ответ в частном письме. Что касается того вышеупомянутого факта, что на рубеже

января — февраля 1849 г. русские войска вошли в два саксонских города на юге Трансильвании (Херманштадт и Кронштадт) и в скором времени были вынуждены оставить их, то официальное правительственное издание *Közlöny* («Бюллетень») выразило довольно оптимистичный взгляд. В соответствии с ним Европе стала очевидна слабость Австрии, которая «среди этих бурь может сохраниться не благодаря собственной жизненной силе, а только при поддержке северного соседа». Иными словами, по мнению газеты, стало ясно, что, с одной стороны, Австрия больше уже не может играть прежнюю роль гаранта равновесия в европейской политике, а с другой стороны, от России в будущем не следует ожидать подобных действий, поскольку европейские правительства выступили бы против этого²¹.

По поручению Кошута правительственный комиссар в Трансильвании Ласло Чани в апреле 1849 г. пытался установить связь с командованием русских оккупационных сил в Молдавии, чтобы информировать его о положении в Венгрии, об уважении венгерского правительства к российскому императору, утвержденном королем венгерском законодательстве, как и о том, что венгерское правительство защищает территориальную целостность страны и т.д. Чани поручил главе Фогарашского округа графу Габору Бетлену добиться по этому поводу личной встречи с генералом И. П. Жабокрицким, командовавшим отрядами русской армии, дислоцированными в Молдавии вдоль границы с Австрийской империей²². Командовавший корпусом российских войск в Валахии и Молдавии генерал А. Н. Лидерс информировал об этом военного министра А. И. Чернышёва. Из этой депеши, хранящейся в РГВИА, мы узнаем, что Лидерс дал распоряжение оставить венгерскую просьбу без ответа²³.

²¹ *Közlöny*. 1849. 7 III. № 46. 160. old.

²² Жабокрицкий тоже был польского происхождения и вел свой дневник по-польски, оставаясь при этом верноподданным Российской империи, которой служил.

²³ РГВИА. Ф. 970. Оп. 2. Д. 577. Л. 2–4. Габор Бетлен — командиру русских отрядов в Молдавии, Чиксереда, 25 апреля 1849 г.; Мандат, выданный правительственным комиссаром Л. Чани на имя графа Г. Бетлена, Клаузенбург, 16 апреля 1849 г.; Донесение генерала Лидерса военному министру, Бухарест, 23 апреля (5 мая) 1849 г.; Указания Чани правительственному комиссару

Между тем новости о сосредоточении российских войск близ австрийской границы, как и о появлении первых русских военных частей в Галиции, с начала мая появлялись уже не только в частных письмах, но и в газетах. Первое сообщение о том, что русские войска ожидаются у моравско-венгерской границы, было доставлено 10 мая 1849 г. одним торговцем в лагерь венгерских войск, осаждавших Будайскую крепость, а затем 15 мая поступило новое сообщение о появлении русских войск. Правительственный уполномоченный Даниэл Ирани информировал Кошута о том, что он необычным путем получил номера газет *Ostdeutsche Post* («Восточно-немецкая почта») и *Die Presse* («Пресса») от 12 мая. В обоих изданиях содержалась информация о прибытии русской военной части в Прерау²⁴. Через моравский Прерау перемещали по железной дороге солдат дивизии генерала Ф. С. Панютина (ниже речь об этом пойдет подробнее). В последующие дни, 16 и 17 мая, в будайский военный лагерь с северной границы пришли сообщения о вступлении на территорию Венгрии русских воинских частей. Речь идет о кавалерийском соединении под командованием известного военачальника периода Кавказской войны генерал-лейтенанта барона Г. Х. фон Засса, которое в это время обнаружилось на границе. Таким образом, уже начиная с середины мая венгерское правительство могло считаться с интервенцией как с реальным фактом, хотя ее реальные масштабы стали понятны намного позже.

А. С. В одной из своих работ²⁵ Вы подробно писали о том, как на определенном этапе развития событий возникла непосредствен-

Яношу Хорвату, Клаузенбург, 2 марта 1849 г. См.: Csány László kormánybiztosi iratai 1848–1849: I–II. köt. / sajtó alá rend. R. Hermann. Zalaegerszeg, 1998. II. köt. 213–214. old. Письмо Чани командованию русских войск, Клаузенбург, 5 апреля 1849 г. и донесение Чани — Кошуту, Клаузенбург, 16 апреля 1849 г. см.: Csány László kormánybiztosi iratai 1848–1849. II. köt. 267–270. old. Письмо Чани — Кошуту, Клаузенбург, 19 апреля 1849 г. см.: Csány László kormánybiztosi iratai 1848–1849. II. köt. 278. old.

²⁴ Донесения Ирани — Кошуту, Пешт, 10 мая 1849 г., 15 мая 1849 г. см.: Budavár bevételének emlékezete 1849 / vál., szerk., bev. és jegyz. T. Katona; sajtó alá rend. R. Hermann, I. Pelyach, T. Tirts. Budapest, 1989. 448., 473. old.

²⁵ Рошонци И. Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 3–4. С. 32–49.

ная угроза Вене и по приказу фельдмаршала И. Ф. Паскевича дивизия генерала Ф. С. Панютина была срочно отправлена в качестве резерва к имперской столице, к Вене (кстати, это был первый в мировой практике случай использования нового по тому времени вида транспорта — железнодорожного — в целях перемещения войск в условиях войны и для решения конкретной военной задачи). «Весьма быть может, что появление ваших войск отвратит разрушение всей Австрийской монархии», — писал Паскевич сильно обеспокоенному царю, имея в виду не столько подключение к боевым действиям, сколько способность «произвести моральное влияние» и на Вену, и на ее неприятелей²⁶. Однако вскоре продвижение дивизии было приостановлено — очевидно, что при дворе Франца Иосифа хотя и обратились после долгих колебаний за помощью к российской стороне, сочли все же унижительным участие русской дивизии в обороне Вены, не говоря уже о недопустимости победоносного марша русских войск по австрийской столице. Конечно, это не способствовало повышению взаимного доверия. Вообще мемуары русских офицеров свидетельствуют о дефиците доверия к австрийским союзникам и о дефиците доверия в целом. А. Верниковский вспоминал:

Со вступлением в пределы Австрии начало выражаться и нерасположение наших войск к австрийцам. Между офицерами нередко можно было слышать вопросы, зачем мы идем спасать фальшивых австрийцев? <...> Дружеского сближения между русскими и австрийскими офицерами я не замечал: обе стороны держали себя странно, с каким-то нерасположением и недоверием друг к другу²⁷.

Можно ли считать такое отношение доминирующим среди участников венгерской кампании русской армии? Учитывая тем более, что даже в переговорах на высоком уровне обозначилось разное видение участия русских войск в кампании — венский двор, рассчитывая на подмогу в боевой силе, хотел, чтобы русские войска всецело подчинялись австрийскому военному командованию и играли скорее вспомогательную роль, а император Николай настаивал

²⁶ Там же. С. 38–39.

²⁷ *Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. 1885. № 12. С. 512.

на их самостоятельности, всячески дистанцировавшись от военных неудач австрийских полководцев.

И.Р. История русской дивизии под командованием генерал-лейтенанта Ф.С. Панютина, которая была отправлена по железной дороге в направлении Вены в мае 1849 г., явилась весьма захватывающей «вводной главой» (прологом) венгерской интервенции русской армии. Воинское соединение численностью 14 с половиной тысяч человек с 48 пушками, которое составляли части, уже вошедшие на территорию Австрийской империи, отправили по приказу Паскевича на поездах по железной дороге из Кракова к Вене. Отправка первых частей планировалась на 9 мая, но из-за проволочек была перенесена на 10 мая. Потом неожиданно для самих русских солдат и офицеров их продвижение было приостановлено в моравском городе Унгариш-Градиш, и они были размещены как в самом городе, так и в его окрестностях. Находились здесь около двух недель, а после встречи 21 мая правителей двух империй в соответствии с заключенным соглашением двинулись пешком к границе Венгерского королевства. 3–4 июня они вошли в Пресбург и все лето сражались бок о бок с главной австрийской армией под командованием генерала Юлиуса фон Хайнау.

Транспортировка дивизии Панютина по железной дороге стала первым примером использования нового по тем временам транспортного средства, обладавшего большей скоростью, безопасностью и предсказуемостью, чем все существовавшие ранее. Она явилась важной вехой в военной истории Российской империи, ведь впервые настало время для перевозки воинских формирований, отправлявшихся на фронт по железной дороге. Раньше это было технически невозможно, так как железнодорожная линия Варшава — Вена была полностью готова только к осени 1848 г. (стала второй в Российской империи железнодорожной веткой, раньше, как известно, была построена только пущенная в 1837 г. железная дорога на очень коротком участке от Петербурга до Царского Села и дальше до Павловска). Строительство краковской ветки, отходившей от железнодорожной линии Варшава — Вена, было завершено осенью 1847 г. Она проходила также по территории Прусского королевства, поэтому, когда в начале мая 1849 г. встал вопрос о транспортировке русской дивизии по железной дороге, российское, прусское

и австрийское государства и три железнодорожные компании должны были объединить свои усилия. Таким образом, это была также первая в истории европейских железных дорог транспортировка воинского соединения, осуществленная в рамках международного сотрудничества. (До этого практиковались только перевозки войск внутри отдельных стран. Так, в Австрийской империи первым такого рода предприятием стала транспортировка 13 батальонов, 18 кавалерийских эскадронов, четырех батарей и четырех понтонных мостов, осуществленная из Моравии в целях разгрома вооруженного восстания в Вене, разразившегося 6 октября 1848 г.)

Решение о переброске дивизии к Вене в целях оказания срочной помощи австрийцам, после их многочисленных настойчивых просьб и без одобрения Николая I, Паскевич принял вечером 6 мая. Добавлю к этому: вопреки собственному убеждению в том, что участие в помощи австрийцам небольших военных отрядов неэффективно. Царь в это время был в Москве, дожидаться его одобрения Паскевич не стал, видя, что передислокацию дивизии никак нельзя откладывать. Австрийский премьер-министр и министр иностранных дел князь Феликс Шварценберг и командированные им в Варшаву из Вены посланцы, сначала полковник генштаба Эдуард фон Шобельн, потом генерал-лейтенант граф Бернхард Кабога с сопровождающими их лицами, говорили Паскевичу о неминуемой угрозе падения австрийской столицы. Английский консул в Варшаве Дж. Г. Ч. Дю Плат доносил в Лондон графу Г. Пальмерстону о том, что эти бесконечные и продолжительные «вторжения» в Польшу австрийских посланцев, обращающихся за помощью, уже вызывают смех русских офицеров:

Пока их правительство ждет появления русских солдат на берегах Дуная или Тисы <...> они постоянно появляются здесь [в Варшаве. — *И. Р.*] в полном наряде, что дает и русским, и полякам повод для множества замечаний, совсем не лестных и не благоприятных для правительства, командировавшего их в Варшаву²⁸.

Переброска российского военного соединения по железной дороге в целях защиты Вены была предложена австрийским правительством исходя из численности 25 тыс. человек с назначением

²⁸ Дю Плат — Пальмерстону, Варшава, 8 мая 1849 г., цит. по: *Haraszti É. Az angol külpolitika a magyar szabadságharc ellen. Budapest, 1951. 185–186. old.*

конечного пункта перевозки в Моравии, откуда это российское соединение, посланное в помощь австрийцам, могло угрожать наступающим венгерским войскам. Паскевич, напротив, направил вспомогательный отряд в количестве чуть более половины от того, которое запрашивали австрийцы, при этом, подчеркивая значимость этого шага в качестве акции военной помощи Австрии, он двинул панютинскую дивизию к австрийской столице, которой угрожало более всего наступление венгров. Решение понятно, ведь с точки зрения Российской империи имперская столица как место назначения значила несоизмеримо больше, чем незначительный городок в Моравии.

Николай I не одобрил решение Паскевича, о котором узнал уже после его принятия: «Повторяю, крайне жалею об посылке дивизии в Вену; она Вены не спасет, а может пропасть даром, тогда как нужнее чем когда, чтоб были мы сосредоточены, и не иначе действовали как массой, могущей решить дело», — писал он фельдмаршалу 9 мая 1849 г.²⁹

В тот же день, 9 мая, находившийся в Вене русский генерал Ф. Ф. Берг, которого российский двор командировал для поддержания постоянной связи с правительством союзной Австрии, был рад сообщить премьер-министру Шварценбергу о том, что запрошенное в помощь австрийской имперской армии русское соединение прибывает прямо в Вену. Но, к его очень сильному удивлению, ему сообщили, что в австрийской столице нет необходимости в присутствии русской дивизии, поскольку ее безопасность может быть обеспечена силами австрийских войск, а кроме того, в Вене не достает казарм для размещения в таком количестве русских войск, существуют также проблемы с их обеспечением продовольствием. Таким образом, соединение под командованием Панютина предстояло временно разместить в Моравии. Иными словами, решение о том, что подразделение ни в коем случае не должно двигаться к Вене, было принято за день до того, как первый поезд с панютинскими солдатами покинул Краков. Шварценберг неожиданно столь уверился в своих силах потому, что он уже знал о произошедших передвижениях венгерской армии: после того как правительство и командование взвесили разные возможности, она повернула от Комарома

²⁹ Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 290.

в сторону венгерской столицы с целью освобождения Будайской крепости (это решение, кстати сказать, вызвало серьезные споры). В результате непосредственная угроза Вене исчезла.

Паскевич с крайним неудовольствием воспринял эту приостановку продвижения дивизии, дошедшей лишь до Унгариш-Градиша. К тому же отряд Панютина выступил без сопровождения кавалерией и без обоза. Вопрос о судьбе этого соединения, как уже говорилось, был согласован только в ходе варшавской встречи правителей двух держав 21 мая. Все произошедшее сильно встревожило Паскевича, побудив его к осторожности, и в том числе способствовало возникновению отношений недоверия и напряженности между австрийским и российским военными командованиями, что проявлялось на протяжении всей кампании.

Дефицит доверия между российским и австрийским союзниками был замечен, но он не достиг и не мог достичь такой степени, которая поставила бы под угрозу решение приоритетной для обеих сторон задачи — подавления венгерского восстания. Русские офицеры презирали своих австрийских союзников, над которыми венгерские повстанцы одержали ряд побед. Однако русским войскам также пришлось столкнуться с тем, что им противостояла не плохо организованная толпа, о которой поначалу говорили австрийцы, а регулярная армия, имевшая подготовленный офицерский корпус, если даже она и несла на себе определенные следы революционного войска, сформированного в чрезвычайных условиях. Особых похвал со стороны русских удостоилась венгерская артиллерия.

Паскевич неоднократно докладывал Николаю I о возникавших в отношениях с австрийцами конфликтах, не раз возражал против действий Хайнау, однако царь сдерживал раздражительность своего главнокомандующего и торопил со скорейшим победоносным завершением кампании, чему австрийцы должны быть обязаны русскому оружию.

Странная ситуация сложилась на венгерском театре военных действий ввиду того, что крупнейшей силой на поле боя была русская армия, которая по своей численности превосходила не только венгерские революционные силы, которые предстояло разгромить, но и находившуюся на венгерской территории австрийскую императорскую армию. Хайнау ни в плане его военной карьеры, ни с точки зрения авторитета в войсках никак нельзя было поставить

в один ряд с любимцем русского императора, наместником Царства Польского генерал-фельдмаршалом Паскевичем, имя которого было тесно связано с победоносными войнами Российской империи. Весной 1848 г. генерал-лейтенант Хайнау все еще был командиром дивизии. В мае 1849 г. он прибыл в Венгрию из Италии в качестве командира корпуса, когда Франц Иосиф повысил его в звании и назначил главнокомандующим всей императорской армией в Венгрии. Для Хайнау это различие в рангах и авторитете вызывало неудобства, и в случае совместной российско-австрийской акции он непременно оказывался в подчиненном положении. Если бы победа была достигнута общими усилиями, трудно было бы оспорить славу русского союзника. И хотя Хайнау в течение некоторого времени торопил русских с наступательными действиями начиная с середины июля и далее, пользуясь тем фактом, что верхнедунайская армия Гёргея сковала главные силы русских, он энергично продвигался вперед в направлении Южного Альфёльда³⁰. Он одержал важные победы 3 и 5 августа у Сегеда и Сёрега, а затем 9 августа в битве при Темешваре, что привело к распаду южно-венгерской армии.

Однако лавры победителя ему не достались, и неоднократно критиковавшийся им Паскевич унизил его тем, что венгерская революционная армия капитулировала в августе у Вилагоша перед русским войском.

А. С. В литературе иногда можно прочесть, что венгерский поход русской армии воспринимался вначале его участниками чуть ли не как «легкая прогулка». Но на основе прочтения писем отцу великого князя Константина Николаевича (прошедшего тогда свое «боевое крещение»), равно как из рапортов и позднейших мемуаров, не создается образ «легкой прогулки», тем более что многие солдаты стали жертвами эпидемии холеры. А каковы цифры потерь русской армии?

И. Р. Действительно, адъютант Паскевича, вышеупомянутый Сонцов, так описывает настроения в армии, вступившей в Венгрию:

³⁰ Альфёльд (венг. *Alföld*) — обширная среднедунайская равнина в Венгрии к востоку от Дуная.

Мы оставляли Варшаву, более как бы отправляясь на праздник или прогулку, чем на бой; нам всем казалось, что мы предпринимаем летнее путешествие с целью удовольствия. Труды и опасности войны совсем никого не смущали. Уверенность в успехе была общим ощущением³¹.

По официальным российским данным, в ходе венгерской кампании 1849 г. 543 человека были убиты и 1670 ранены, из них 313 потом умерли от ран, то есть общее число безвозвратных боевых потерь составило 856. Кроме того, 20 200 человек заболели холерой, из них 7 819 умерли, а 3 209 человек умерли в результате других заболеваний. Если суммировать все эти данные, всего в ходе кампании погибли и умерли 11 884 человека. Эти данные взяты нами из работы П. К. Менькова «Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849-м году», вышедшей в 1851 г. в Санкт-Петербурге³². Меньков работал под личным руководством и наблюдением Паскевича, и его книга стала официальным изложением версии российского правительства и командования о военной кампании 1849 г. Имя автора в публикации не упоминается. Меньков, который участвовал в венгерском походе в качестве молодого штабного офицера, был хорошо знаком не только с событиями, но и с российскими оперативными штабными документами. Бумаги из его архивного фонда, копии документов, а также дневник, составленный на основе его тогдашних записей, также являются незаменимыми источниками при изучении истории кампании.

Гибель почти 12 тыс. человек подтверждает и работа другого российского военного историка, И. И. Ореуса. Как и Меньков, он очень основательно проработал русские документы, связанные с этой кампанией, и в итоге в 1880 г. в Петербурге вышла его монография «Описание Венгерской войны 1849 года с приложением 14-ти карт и планов». Этот ценный труд, выполненный на уровне науки своего времени и содержащий критические замечания, главным образом относительно управления армией, может использоваться и сегодня. Ореус не принимал участия в походе, но с 1863 г.

³¹ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании. С. 6–7.

³² [Меньков П. К.] Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849-м году. СПб., 1851. С. 413–414. Меньков допустил ошибку сложения, которая здесь исправлена.

он был в чине полковника начальником военно-исторического и топографического архива, который с 1867 г. назывался Военно-ученым архивом Главного штаба. Сегодня соответствующие документы составляют Фонд 846 РГВИА. Ореус был начальником этого архива до 1898 г. Некоторые мелкие данные, приведенные Ореусом, отличаются от данных, приводимых Меньковым, что может быть связано и с нечетким, плохо читаемым почерком. Так, если у Менькова приведена цифра в 11 884 применительно к жертвам той кампании, то у Ореуса — 11 871³³.

Таким образом, мы видим, что потери, вызванные эпидемией холеры, были гораздо более серьезными, чем действительно небольшие потери, которые русская армия понесла на поле боя.

А. С. Следующий вопрос отчасти продолжает предыдущий. Часто можно прочесть, что само присутствие такой громадной машины, как 200-тысячная армия, оказывало угнетающее моральное действие на венгров. Это так, но ведь русская армия реально сражалась в этой кампании. А насколько успешно она сражалась?

И. Р. Здесь имело бы смысл привести в подробной цитате корректную оценку вышеупомянутого российского военного историка, объективную и опирающуюся на знание источников:

С нашей стороны, к военным действиям приступлено было со средствами — можно сказать — более чем соответствующими тогдашнему положению неприятеля. Хотя к вводу столь значительных сил в Венгрию побуждали нас преувеличенные сведения о неприятельской армии, получаемые, главным образом, от австрийцев; но навряд ли удалось бы нам столь быстро двинуть в поход подобные силы, при тогдашнем порядке мобилизации, если бы, уже в течение предшествующего года, Действующая армия наша и отдельные корпуса не были поставлены на военную ногу. <...>

Военные действия кн. Паскевича за все время кампании отличались преувеличенной осторожностью и нерешительностью. В особенности же, весь период от дела под Вайценом до боя под Дебречиным [Дебреценом. — *И. Р.*] представляет ряд колебаний и действий ощупью. <...>

³³ Ореус И. Описание венгерской войны 1849 г. С. 538–539.

Вопреки всей неудовлетворительности действий кн. Паскевича, война завершилась для нас блистательно: лучшая неприятельская армия сдалась именно нам. <...>

Хотя кн. Паскевич и не выиграл ни одного важного сражения, но армия его висела над венгерцами, как Дамоклов меч, и отвлекала лучшую часть их войск от противодействия австрийцам. Да и сам барон Гайнау успехом своих тактических действий неоднократно был обязан находившейся при нем русской сводной дивизии³⁴.

Ореус наряду с Панютиным и его дивизией отмечал генерала Ридигера, который «оказался вполне удовлетворяющим своему назначению»³⁵. Зная источники, с этой оценкой можно вполне согласиться. Он выделял также генерала Лидерса:

Энергический и бесспорно талантливый Бем встретил в генер. Лидерсе достойного соперника, умевшего парализовать все его быстрые и неожиданные удары. <...> Все действия Лидерса представляют гармоническую связь предусмотрительности с энергиею и смелостью³⁶.

Это обобщающее мнение русского военного историка об управлении российской армией подтверждается воспоминаниями и дневниками нескольких русских офицеров, принимавших участие в походе (например, М. Д. Лихутина, Н. В. Исакова, Л. П. Николаи).

Причина того, что потери русских на поле боя были столь малы, заключается в том, что венгры старались избегать губительных для них крупных столкновений и сражений на открытом пространстве, учитывая всю несоразмерность противостоящих сторон. Они стремились выиграть время, веря в то, что кампанию можно затянуть в расчете на то, что западноевропейские правительства могут встать на защиту венгерского дела. Были также надежды на то, что удастся вбить клин в отношения между союзниками — Россией и Австрией. Гёргей успешно уклонился от столкновения с основной русской армией под Вацем в середине июля, затем, сделав большую дугу, обошел главную русскую колонну и к 9 августа

³⁴ Там же. С. 541–545.

³⁵ Там же. С. 544.

³⁶ Там же. С. 545.

достиг Арада, в то время резиденции правительства. Эту же тактику использовал командовавший Северной армией генерал Юзеф Высоцкий сразу после того, как основная колонна русских войск вторглась через северную границу между 15 и 18 июня, поскольку под его непосредственным командованием находилась лишь группа войск, в 10 раз уступающая по численности наступающей российской армии.

А. С. Давайте поговорим об отношении многоязычного населения тогдашней Венгрии, и прежде всего самих венгров, к вступившей в страну русской армии. В одной из работ Вы приводите свидетельство мемуариста Б. Лугинского:

Жители всех пройденных нами мест до самого Вартберга были словаки и встречали нас приветливо; в Вартберге же впервые встретили мы нерасположение жителей, потому что главное население этого города составляют венгры.

Да, со славянами русским солдатам было гораздо легче наладить общение, чем с венграми, прежде всего в силу языковой близости (и Вы посвятили этому одну из Ваших статей³⁷), а иногда и в силу проимперской ангажированности многих славян, питаемой их настороженным отношением к венгерскому движению. Вместе с тем многие свидетельства говорят о том, что картина была гораздо более сложной. Некоторые мемуаристы даже приводят факты взаимного расположения русских военнослужащих и противостоящих им гонимых, то есть солдат и офицеров венгерской революционной армии. Мемуарист Н. Богдановский, оставивший описание пирушки русских и венгерских офицеров после сдачи венграми крепости в Мункаче, заметил:

Нельзя не признаться, что во время Венгерской кампании между нами и неприятелями нашими всегда проглядывали радушные отношения, чего нельзя было сказать по отношению к нашим союзникам — австрийцам, государство которых в 1848 г. было спасено Россией³⁸.

³⁷ Рошонци И. Тема славянского языкового родства. С. 61–79.

³⁸ Богдановский Н. Из воспоминаний о венгерской и крымской кампаниях // Русская старина. 1893. № 1. С. 244.

Ему вторил другой мемуарист, М. Лихутин:

Мы пришли помогать австрийцам и помогли им — и вдруг наши симпатии оказались, по-видимому, на стороне тех, во вред которым мы действовали³⁹.

Вы могли бы привести немало других подобных цитат. Что доминировало все-таки в отношениях не только гонимых, но и мирного населения к русскому войску, пришедшему в Венгрию с вполне очевидной целью, и насколько дифференцированными были настроения?

И.Р. Да, вопрос этот действительно сложный. Словаки жили в северных комитатах Венгрии, но русинское население было значительным также и в комитате Шарош. В Сепешском крае (Сепешшег, или по-немецки Ципс) на самом севере страны жили немецкоязычные саксы, в г. Эперьеш, административном центре комитата Шарош, жили и немцы, и венгры, и словаки. По мере продвижения русской армии на юг ей приходилось встречаться со все более смешанным населением, а венгерский язык становился все более распространенным. Местное население в тех местах, где оно было смешанным, включая представителей разных этнических групп, использовало больше языков в своей повседневной жизни, что теперь стало большим преимуществом. Опасаясь лишиться своего богатства, а то и жизни в условиях эксцессов и актов насилия, неизменно сопровождающих любую войну, местные жители, естественно, обращались к солдатам вторгшейся армии на более понятном им языке, то есть словацком или русинском. Причем это делали также и венгры. Понятно и то, что в ходе контактов с русскими офицерами местные жители заверяли их в своей преданности законному императору. Свидетельства о контрреволюционных и антивенгерских настроениях среди словацкого и русинского населения иногда действительно можно встретить в воспоминаниях российских участников кампании, но, если взять весь комплекс имеющихся источников, нельзя сказать, что такие настроения были настолько явными и всеобщими, как об этом зачастую было принято писать в более поздние десятилетия в рамках тех или иных национальных историографий. Освобождение венгерской революцией крепостных крестьян возымело огромную силу,

³⁹ Лихутин М. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. С. 247.

что способствовало формированию в составе венгерской революционной армии батальонов, где языком общения был словацкий, даже тогда, когда речь шла о солдатах-призывниках, с честью вставших в строй. А ведь были еще и словацкие волонтеры.

Другая тема — симпатии россиян к венграм, что на самом деле довольно часто проявляется на страницах мемуаров участников венгерского похода русской армии. Конечно, речь совсем не идет о сочувствии к венгерской революционной программе «передовых» русских офицеров, восприимчивых к революционным идеям, как это иногда пытались подавать в марксистской историографии. Скорее, это было чувство уважения к достойному и храброму противнику, противостоящему на поле боя в честном поединке. Русские офицеры-мемуаристы отдавали должное венграм за одержанные ими победы над австрийцами, зачастую вызывавшими у их российских союзников чувство антипатии. Они выражали также сочувствие венгерским военнопленным, описывали свои эмоции, испытанные 13 августа 1849 г. при виде достойной капитуляции венгров многократно превосходящему их противнику, и т.д. Им приходилось также наблюдать проявления доверия к себе и в то же время они ощущали острую неприязнь венгров к австрийцам. Венгерские офицеры, посещавшие лагерь российских войск в качестве парламентариев, всячески подчеркивали, что они борются против австрийцев и не хотят воевать с русскими. Российское командование перед началом кампании опасалось, что может столкнуться с масштабной партизанской войной со стороны населения, но такого рода сопротивление не получило широкого распространения.

А. С. Известно, что в переписке с русским генералом Ф. В. Ридигером, который должен был принять 13 августа 1849 г. капитуляцию венгерской революционной армии, ее командующий Артур Гёргей настаивал на получении от Вены гарантий сохранения жизни своих офицеров, просил «не отдавать их в жертву слепой мстительности» австрийцев и, во всяком случае, рассчитывал на заступничество русского императора⁴⁰. Однако надежды на успех российского по-

⁴⁰ См.: *Ореус И.* Описание венгерской войны 1849 г. Приложения. С. 113. Письмо Гёргея сохранилось в нескольких современных переводах. См. Документальное приложение. Док. 4.

средничества не оправдались. В соответствии с принципом монархической солидарности и предварительно заключенным с Францем Иосифом соглашением Николай I все же передал плененных венгров австрийским войскам без всяких гарантий (за исключением просьбы сохранить жизнь самому Гёргею), и немалое количество офицеров стали жертвами расправы. Естественно, поступок российской стороны был воспринят в венгерском обществе с разочарованием. Один из мемуаристов писал:

<...> Пошли сетования на русских. Венгерцы рассчитывали на Россию и полагали, что Россия в видах своих на будущее при разрешении Восточного вопроса, заняв Венгрию, не выйдет из нее и назначит туда кого-либо из своих великих князей <...> [Венгры мне] говорили, что Гёргей не думал, что Россия предаст Венгрию на жертву и на месть Австрии⁴¹.

Вопрос: действительно ли в среде как венгерских, так и русских офицеров имели место ожидания некоей сделки с коронацией короной св. Иштвана представителя дома Романовых (скорее всего, одного из сыновей Николая I) и, соответственно, переходом венгерских земель под российское влияние, причем для плененных венгров в этом виделся оптимальный выход из сложившегося положения? Насколько широко были распространены подобные ожидания? Ведь с русской стороны устами генерала Ридигера быстро дали венграм понять, что о каких-либо политических переговорах с подданными чужой империи речи быть не может. Добавлю в этой же связи, что в литературе можно встретить версию, согласно которой командованию русской армии действительно было адресовано послание от имени членов венгерского революционного правительства, в котором не только содержалось предложение об установлении венгеро-российских союзнических отношений, но даже выражалась готовность принять для суверенной Венгрии короля «не-австрийской» династии. Что Вы знаете об этом послании?

И. Р. Первое предложение этого вопроса порождает в свою очередь новый вопрос. Почему Гёргей написал именно генералу Ридигеру письмо с предложением принять капитуляцию венгерской

⁴¹ Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 535.

армии? И почему не обратился к главнокомандующему русской армии, то есть Паскевичу? Попытаемся рассмотреть всю предысторию.

Между войском Гёргея и преследовавшими его русскими войсками происходили контакты через парламентаров, были даже случаи обмена (в качестве подарков) какими-то предметами офицерской амуниции или оружием. Причем установление контакта было инициировано не венгерской, а российской стороной. И не кем-нибудь, а самим командующим 3-м корпусом русской армии, генералом Ридигером. 19 июля 1849 г., воспользовавшись представившимся случаем, он написал из Балашша-Дярмата Гёргею, который в бою против главных сил австрийцев 2 июля 1849 г. получил серьезное ранение в голову:

Ваши таланты, без сомнения, могли помочь преодолеть Вашему корпусу серьезные трудности, но Вы не можете не признать, что в настоящий момент ему угрожает неминуемая опасность. Я собираюсь, таким образом, предложить Вам, Милостивый государь, путь переговоров. Соболаговолите сообщить мне условия, на которых Вы полагали бы возможным прекратить борьбу, отныне неравную для Вас, и я поспешу ходатайствовать о приказах в этом отношении у Его Светлости господина Главнокомандующего Русской императорской армии⁴².

К этому он добавил, что, приняв это предложение, венгерский генерал «не нанесет ни малейшего урона своей воинской чести». Об этом послании Ридигер информировал Паскевича. В письме, конечно, нет речи ни о чем другом, кроме как о предложенных Ридигером переговорах о конкретных «технических» деталях капитуляции. Гёргей 24 июля дал на это письмо следующий ответ:

Я нимало не удален от того, чтобы на условиях, чести не нарушающих, немедленно подать руку для заключения мира, если бы дело шло только о том, чтобы меня и командуемые мною войска спасти от неминуемой от всех сторон нам угрожающей опасности. Но дело

⁴² Оригинал на французском языке хранится в Венгерском национальном архиве, см.: HU-MNL-OL. P 295 (Magánlevéltárak, Görgey család levéltára). В sorozat, 3. tétel, b altétel, № 1; Опубликовано в: *Görgey I. 1848 és 1849-ből*. III. köt. 230–231. old.; Перевод на венгерский язык см.: *Görgey A. Életem és működésem*. II. köt. 304–305. old. См. Документальное приложение. Док. 1.

идет о том, чтобы спасти несчастное, опасностью угрожаемое мое отечество <...>, мы как честные люди должны до тех пор сражаться, пока наши мирные сограждане не будут вне опасности порабощения или пока мы со славою ляжем костями в неравном бое. Вот мой ответ, как ответ воина и предводителя вверенных мне Государством войск. <...> Трудно будет усмирить Венгрию путем отдельных с каждым из предводителей войск переговоров. Но если действительно Вы желаете пощадить Венгрию и предохранить бедный сей край на будущее время от ужасов войны <...>, то я священнейшим моим долгом почту открыть и облегчить пути к тайным переговорам между Его Светлостью, Вашим Начальником и Временным Правительством, а в таком случае <...> я могу подать России надежду на успех, более удовлетворительный того, какой могла бы она приобрести после значительного кровопролития и даже после покорения Венгрии⁴³.

Паскевич на бумаге с русским переводом ответного письма Гёргея собственноручно написал: «Ничего не отвечать на эти дерзости, удивляюсь, от чего завели эту переписку»⁴⁴. В другом письме Гёргей утверждал, что его армия присягнула конституции⁴⁵, поэтому останется верна присяге и не сложит оружие, пока не получит гарантии, что эта конституция остается в силе, и пока все вражеские армии не покинут территорию Венгрии⁴⁶. Появление в венгерском военном

⁴³ Оригинал ответного письма Гёргея на немецком языке см.: РГВИА Ф. 14014. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–6 об.; перевод на русский язык см.: Там же. Л. 2–4 об.; перевод на венгерский язык см.: *Görgey A. Életem és működésem*. II. köt. 305–306.; 477–478. old. См. Документальное приложение. Док. 2.

⁴⁴ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

⁴⁵ Здесь «конституция» — пакет законов, утвержденных 11 апреля 1848 г. на Государственном собрании и санкционированных королем Фердинандом V (как австрийский император Фердинанд I). По воле политической нации и с вынужденного согласия монарха социальное устройство и политическая система в королевстве были изменены революционно-легитимным путем. См. монографию И. Деака под многозначительным названием «Законная революция»: *Deák I. The Lawful Revolution: Louis Kossuth and the Hungarians, 1848–1849*. New York, 1979.

⁴⁶ См. материалы делегации венгерских парламентариев: *Steier L. Haynau és Paszkevecs. Ismeretlen adalékok az 1848–49-iki szabadságharc történetéhez*: I–II. köt. Budapest, [1926]. II. köt. 106–112. old.; в том числе: Гёргей — Паскевичу, Римасомбат, 21 июля 1849 г. С. 107–108; Гёргей — Паскевичу, Шайосентпетер, 22 июля 1849 г. С. 112.

лагере российских посланцев вызвало чуть ли не лавинообразный рост доверия к русским и пробудило связанные с этим необоснованные иллюзии, причем не только в армии, но и у венгерского правительства и даже у самого Кошута. Вот почему правительство командировало в главную ставку российского командования генерала Эрнё Пельтенберга и подполковника Лайоша Беницки, которые, однако, к 8 августа добрались только до штаб-квартиры Ридигера в Артанде. Паскевич отказался принять их и поручил Ридигеру дать ответ, согласно которому русская армия прибыла в Венгрию, чтобы сражаться, и если венгры захотят договориться об условиях капитуляции перед своим легитимным монархом, им следует связаться с главнокомандующим австрийской армией⁴⁷.

Однако пока Пельтенберг и Беницки ждали ответа Паскевича о том, примет ли он их, состоялись их продолжительные беседы с начальником штаба корпуса Ридигера генералом И. С. Фроловым (очевидно, по согласованию с Ридигером). Согласно воспоминаниям Лайоша Беницки, в ходе встреч поначалу столкнулись аргументы и контраргументы, а потом Фролов предложил венграм доверить свои судьбы «рыцарскому правителю великой России, и будущее докажет, что своей безоговорочной капитуляцией они снискают больший успех, нежели могли бы рассчитывать в своих самых смелых воображениях. Мой великий Император не приемлет никаких условий, но того, кто безоговорочно передает свою судьбу в его руки, он защитит своей могучей рукой»⁴⁸. А в официальном отчете Пельтенберга, среди прочего, говорилось:

[Прием] был чрезвычайно вежливым и сердечным, <...> но они тщательно и со всей очевидностью избегали любых ссылок на то, что в Венгрии помимо армии существует и какое-то законное правительство. <...> А все их ответы на наши предложения относительно мирных переговоров были самыми общими

⁴⁷ Оригинал письма на французском языке см.: HU-MNL-OL. P 295 (Magánlevéltárak, Görgey család levéltára). B sorozat, 3. tétel, b altétel, № 3. Опубликовано в: *Görgey I. 1848 és 1849-ből. III. köt. 548–549; Ореус И.* Описание Венгерской войны 1849 года. Приложения. С.109. Перевод на венгерский язык см.: *Görgey A. Életem és működésem. II. 405–406. old.* См.: Документальное приложение. Док. 3.

⁴⁸ Воспоминания Лайоша Беницки о переговорах с русскими см.: *Katona T. Az aradi vértanúk. 193–198. old.*

и неудовлетворительными. <...> Нам было сказано, что “царь никоим образом не примет никаких условий”, а поэтому единственный “путь к достижению значительной части наших желаний — это безоговорочно сложить оружие, положившись на его великодушие и рыцарство”⁴⁹.

Получив известие о поражении под Темешваром 9 августа 1849 г., которое привело к разгрому и распаду южной венгерской армии, Венгерский военный совет, состоявшийся 11 августа в Араде, принял решение сложить оружие перед русской армией. Вследствие этого Гёргей из Арада отправил письмо, датированное девятью часами вечера 11 августа, причем адресовал его не главнокомандующему российской армией Паскевичу, а Ридигеру: «Я обращаюсь к вам, г. генерал, с этим письмом, потому что Вы первый дали мне доказательства уважения, внушающие мне доверие», — писал он⁵⁰.

Посетившие расположение русских войск венгерские военные парламентарии на многократно заданный ими вопрос о том, выдадут ли русские венгерских военнопленных австрийцам, так и не получили определенного ответа. Таким образом, российская сторона замолчала тот факт, что в соответствии с русско-австрийским соглашением от 10 июня 1849 г. она собирается передать австрийским властям подданных австрийского монарха, а австрийцы, в свою очередь, передадут русским властям тех военнопленных, которые окажутся подданными Николая I (речь шла о поляках из Царства Польского и западных губерний Российской империи).

Генерал Ридигер и его окружение знали текст соглашения, поскольку в нем содержались предписания относительно повседневной деятельности армии. Понятно, что они хотели завершить кампанию как можно скорее и, по возможности, с успехом для России. Известно также, что русские передали австрийцам военнопленных венгерских офицеров только 23 августа, а это значит, что они ждали, пока почти все венгерские вооруженные отряды не сложат оружие, что они сделали по большей части перед русскими войсками. Можем ли мы оправдать их поступок благонамеренностью? Были ли они безответственны и циничны, когда убеждали венгров в том, что

⁴⁹ Донесение Пёльтенберга — Гёргею, Вилагош, 10 августа 1849 г., см.: *Katona T. Az aradi vértanúk.* 289–290. old.

⁵⁰ *Лихутин М.* Записки о походе в Венгрию в 1849 г. С. 236.

их жизни ничего не угрожает, поскольку российский правитель великодушно воздействует в их интересах на австрийцев?

Есть два обстоятельства, которые дают основания говорить об их благонамеренности. С одной стороны, мы знаем, что Паскевич поручил русскому генералу, прикомандированному к австрийскому правительству, а затем и к австрийскому штабу, уже упомянутому Бергу, поинтересоваться у Хайнау, на что же могут рассчитывать добровольно сдавшиеся «повстанцы». Берг ответил Паскевичу 25 июля 1849 года. По его словам, Хайнау дал понять, что, если эти повстанцы сдадутся, это может сохранить их жизни, но не личную безнаказанность, поскольку им придется предстать перед проверочными комиссиями⁵¹.

С другой стороны, в сознании Ридигера и людей его окружения был пример собственного императора Николая I. Ведь некоторые офицеры из высшего командного состава русских войск, вошедших в Венгрию, принимали участие в подавлении Польского восстания в 1830–1831 гг.⁵² И в их числе были Ридигер и Фролов. В 1831 г. участникам борьбы за польскую независимость были вынесены очень суровые приговоры — конфискация имущества, ссылка в Сибирь и даже смертные приговоры, однако последние так и не были приведены в исполнение. Упомянем в качестве примера Петра Высоцкого, полковника польской армии. Высоцкий, который с 1824 г. был инструктором в варшавском военном учебном заведении, школе пехотных подхорунжих (*Szkoła Podchorążych Piechoty*), явился одним из инициаторов восстания 29 ноября 1830 г., возглавив заговор. Во время штурма Варшавы он раненым попал в русский плен и был приговорен к смертной казни, но Николай I смягчил приговор до двадцати лет ссылки в Сибирь. В 1857 г. Высоцкий получил

⁵¹ Документ на французском языке опубликован в: *Steier L.* Haynau és Paszkevecs. Ismeretlen adalékok az 1848–49-iki szabadságharc történetéhez. Budapest, [1926]. II. köt. 113–115. old.; на венгерском языке см.: *Katona T.* Az aradi vértanúk. 287–288. old.; на русском языке документ был издан еще в 1898 г., см.: Записки Петра Кононовича Менькова: в 3 т. / ред. А. М. Зайончковский. СПб., 1898. Т. III. С. 263–264.

⁵² Современники называли подавление восстания «польской войной». См., например: *Давыдов Д.* Воспоминания о польской войне 1831 года // Давыдов Д. Собрание сочинений в 3 т. СПб., 1893. Т. 2. С. 200–328; *Пузыревский А. К.* Польско-русская война 1831 г. СПб., 1890. Т. 1–2.

амнистию. В Варшаву путь ему был закрыт, он умер в 1875 г. в Варке близ Варшавы. Конечно, это был суровый приговор, но Высоцкий покушался на жизнь царского брата, великого князя Константина Павловича, главнокомандующего польской армией и наместника Царства Польского. Фролов склонял венгерских парламентаров к тому, чтобы сложить оружие, подкрепляя свою позицию примерами из польского восстания 1831 г. По воспоминаниям Лайоша Беницкого, процитированным выше: «Дабы придать своим словам больший вес, он привел несколько случаев из времен польской революции, кавказской войны и т.п., которые были похожи на нашу сегодняшнюю ситуацию»⁵³.

Русские действительно не ожидали жестокого возмездия, расстрелов, и после всего произошедшего испытывали если не раскаяние, то, во всяком случае, неприятные чувства. В этой связи можно вспомнить А.И. Дельвига, двоюродного брата А.А. Дельвига, известного русского поэта из круга друзей Пушкина, который участвовал в походе в качестве военного инженера. Дельвиг был удивлен, узнав, насколько высокопоставленные венгерские офицеры доверяют русскому царю, и записал в мемуарах, что российское военное командование должно было однозначно прояснить, действительно ли венгры могли рассчитывать на великодушное покровительство Николая I, то есть отправить с таким вопросом к царю курьера. Конечно, такая мысль, полная сочувствия венграм, была неосуществима во всех отношениях⁵⁴.

Что же касается моего ответа на другой Ваш вопрос, то он таков: в известных меморандумах и предложениях, которые в начале августа 1849 г. от имени Кошута разработали члены венгерского правительства (премьер-министр Берталан Семере и министр иностранных дел Казмер Баттяни), обрисована в довольно общих чертах идея венгерско-русского союза и даже всплывает предложение о принятии венграми короля, происходящего из «не-австрийского» правящего дома. Однако в качестве условия венгерская сторона в любом случае оговаривала принятие новым правителем упомянутых выше

⁵³ Воспоминания Л. Беницкого о переговорах см.: *Katona T. Az aradi vértanúk*. С. 196.

⁵⁴ *Дельвиг А.И. Полвека русской жизни 1820–1870. Т. I–II. М., 1930. Т. I. С. 483–523.*

«апрельских законов». То есть речь шла о конституционном государстве, подотчетности правительства парламенту.

Стоит напомнить также и о том, что в конце концов на заседании Совета министров 10 августа 1849 г. в Араде, в момент, когда известие о серьезном поражении под Темешваром еще не пришло, возникло решение со всей ясностью и открыто предложить венгерскую корону одному из членов царской семьи:

Они объявят, каким образом или Лейхтенберг, или принц Константин будет избран венгерским королем при условии, если присягнет на верность свободе и независимости Венгрии, венгерской нации в соответствии с законами 1848 г.⁵⁵

На основе этих представлений Венгрии был бы предоставлен в составе империи примерно такой же статус, как тот, которым обладала Польша в период между 1815 и 1830 гг. Альтернативное предложение Совета министров заключалось в том, чтобы попросить Паскевича «при посредничестве своего царя прийти к выработке соглашения с австрийской династией». В конце концов, если выдвинутые предложения не достигнут цели, венгерская армия сложит оружие перед армиями русского царя⁵⁶.

Все вышесказанное показывает неосуществимость и нереальность идеи российско-венгерского союза как с российской, так и с венгерской стороны. Более того, как мы видим, с венгерской стороны выдвигались альтернативные варианты посредничества между нацией и династией Габсбургов. Русские также отвергли любые попытки политических переговоров с венграми. Эта попытка была не чем иным, как попыткой утопающего спастись, зацепившись за соломинку. Причем Гёргей, поскольку его письма остались без ответа, быстрее, чем венгерское правительство, испытал на собственном опыте всю безнадежность попыток вести с венгерской стороны какие-либо переговоры. Российская

⁵⁵ Текст опубликовал и проанализировал Р. Херманн: *Hermann R. Minisztertanács. Arad, 1849. augusztus 10. A világosi fegyverletétel előtörténetéhez // História. 1988. 10. évf. 2–3. sz. 52–54. old.* Князь Максимилиан Лейхтенбергский (или Романовский), происходивший из семьи, имевшей довольно авантюрную историю (сын Евгения Богарнэ, пасынка Наполеона I, и в то же время — внук баварского короля Максимилиана I Иосифа), был зятем Николая I.

⁵⁶ Ibidem.

сторона отказалась принять даже самые скромные условия, при которых можно было бы сложить оружие, речь могла идти только о безоговорочной капитуляции. Мы знаем, что Паскевич так ни разу и не допустил к себе венгерских посланцев. В любом случае, венгерская гражданская конституция 1848 г., основанная на западноевропейских образцах, была несовместима с политикой самодержавного правителя Николая I, а между тем венгерское правительство было ей безусловно привержено. Но это правительство не признавалось русскими, и с ним не велось переговоров. Так что сама идея приглашения русского правителя не получила широкого распространения даже тогда, когда Паскевич доложил царю о ходивших слухах, согласно которым венгры были бы рады видеть на своем троне цесаревича Константина, принимавшего участие в кампании. Николай I отреагировал на это словами: «Затеи венгров об Косте или об поступлении под нашу державу <...> доказывают их бессмыслие»⁵⁷.

Заседание Совета министров 10 августа все же интересно с той точки зрения, что на нем возобладало видение: если уж дело дойдет до того, чтобы сложить оружие, то это надо сделать перед русскими. Причем такое мнение сформировалось еще до поступления вестей о поражении под Темешваром.

А. С. Многие русские офицеры, явившиеся 13 августа 1849 г. непосредственными свидетелями капитуляции венгерской революционной армии под Вилагошем, оставили неравнодушные описания этого действия (Ф. Григоров, И. Дроздов, А. Верниковский, А. Фатеев), отдав дань неподдельного уважения храбрым гонведам (достойному противнику) и их командующему генералу Гёргею, проявившему себя (об этом уже говорилось выше) как храбрый и талантливый полководец. Отмечается весьма корректное отношение генерала Ф. В. Ридигера к пленным венграм. Более того, если верить некоторым источникам, воздаяние уважения тем, кого официально должны были считать бунтовщиками, восставшими против своего законного императора, иногда носило довольно демонстративный характер, что, разумеется, не поощрялось,

⁵⁷ Николай I — Паскевичу, Варшава, 16 (28) июля 1849 г., см.: *Щерба-тов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 316.

воспринималось как фронда. В одном из источников личного происхождения читаем:

Об овахиях, оказанных нашими офицерами Гёргею, по окончании кампании <...> было заявлено в Варшаве фельдмаршалу [Паскевичу], и нашим офицерам за бестактный энтузиазм в отношении Гёргея, по этому заявлению, объявлена была, как говорили, неприятная благодарность от начальства⁵⁸.

А что нам говорят о капитуляции венгерского войска более скупые на эмоции рапорты, подготовленные по свежим следам события и хранящиеся в РГВИА? И так, Гёргеем было принято окончательное решение о капитуляции только вследствие поражения под Темешваром? И не было ли это решение преждевременным? Некоторые источники свидетельствуют о том, что венгерская армия не утратила еще к началу августа свой боевой дух...

И. Р. Начнем, пожалуй, с этого последнего предложения. Даже если венгерская армия и не потеряла боевого духа, то, во всяком случае, боеприпасов ей не доставало. Я уже упоминала, что именно известие о битве при Темешваре 9 августа ясно показало безнадежность дальнейшего вооруженного сопротивления (а не победа русских над одним из флангов войска Гёргея 2 августа у Дебрецена, как это утверждается в некоторых из воспоминаний российских участников кампании), и что капитуляция боеспособной армии была во всяком случае предпочтительнее пленения в результате военного поражения. Действительно, как Вы заметили, российские очевидцы были впечатлены тем, с каким достоинством венгры слагали оружие. Вот взять, например, описание той сцены, которое оставил адъютант генерала Фролова Дроздов⁵⁹. Раз речь зашла об официальных документах, скажу, что отдельные фрагменты описания Ф. Григорова, адъютанта Ридигера, были включены в оперативный журнал 3-го корпуса⁶⁰.

⁵⁸ Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года. С. 530.

⁵⁹ См.: *Стыкалин А. С., Колин А. И.* Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. Воспоминания очевидца // *Славянский альманах*. 2013. М., 2014. С. 511–528.

⁶⁰ *Григорьев Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года (адъютанта графа Ф. В. Ридигера) // *Русская старина*. 1998. № 6. С. 512–513; Журнал

Я хочу обратить также внимание на письмо генерала Ридигера Паскевичу от 20 августа 1849 г. относительно судьбы военнопленных и их передачи австрийцам. Это чрезвычайно корректное письмо, в котором анализировались также и причины венгерского вооруженного восстания, свидетельствовало и о чувстве ответственности русского генерала за судьбу венгерских военнопленных. Оно писалось Ридигером в момент, когда он уже получил от Паскевича приказ организовать передачу австрийцам военнопленных. Имеет смысл переиздать полностью это письмо. Его основной текст появился в 1898 г. в одном из томов сочинений П. К. Менькова. Я опубликовала это письмо на венгерском языке в 2019 г.⁶¹ Из письма выясняется, что Ридигер поинтересовался у австрийского генерала Франца Шлика, командира корпуса, который относился «к ограниченному числу австрийских военных начальников, пользующихся общим уважением», «как поступлено будет его правительством с этою громадною массою лиц, которые <...> добровольно ныне складывают оружие перед войсками августейшего монарха и умоляют милосердие его императорского величества. Какое было мое удивление или, правильнее выражаясь, душевное мое прискорбие», когда из слов Шлика выяснилось, что «главное чувство, которое руководствовать будет австрийцами, <...> будет единственное исключительное чувство мести». Ридигер далее ссылаясь на то, что пленных следует передать австрийцам в соответствии с заключенным с ними соглашением, но при этом принять во внимание две точки зрения. Одна из них заключается в следующем:

Все добросовестные и суждениями своими заслуживающие некоторое внимание австрийцы сами признают, <...> что главнейшую причину как начала, так и продолжения венгерского мятежа должно преимущественно приписать действиям самого австрийского правительства.

Другая же точка зрения состояла в том, что, когда заключали русско-австрийское соглашение о передаче военнопленных,

Военных действий 3-го пехотного корпуса в кампанию против Венгерских Мятежников в 1849 году. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5360. Л. 56 об. — 59.

⁶¹ *Rosonczy I. Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-levél előzményei és eredménytelensége // Hadtörténelmi Közlemények. 2019. 132. évf. 1. sz. 159–178. old.*

невозможно было предвидеть ситуацию, что речь пойдет о «столь значительной армии, безпринужденно покорившейся, а не с боя положенной». И Ридигер, приводя тщательные аргументы и ссылаясь на политическую ответственность австрийской стороны в связи с произошедшим развитием событий, высказался за проведение широкой процедуры расследования. Причем надо помнить, что это сделал не какой-то молодой адъютант, глубоко эмоционально переживавший происходящее, а пожилой, авторитетный генерал русской армии⁶². Который, надо сказать, сыграл большую роль в том, что венгерская армия сложила оружие в тех условиях. И, как явствует из этого письма, он действительно чувствовал ответственность за судьбу заключенных.

На следующий день Паскевич коротко ответил генералу. Он указал, что ходатайствовал перед царем в интересах Гёргея:

Относительно облегчения участи добровольно покорившихся венгерских мятежников сделано мною все от меня зависящее. Я просил за них императора австрийского и ходатайствовал у величества государя нашего⁶³. Впрочем, австрийцы более говорят, нежели делают, до сего времени они многих взяли в плен, но еще не расстреляли никого и не приведут в исполнение угроз своих, чем докажут только свою слабость⁶⁴.

Известно, что и Николай I, и Паскевич действительно предлагали австрийцам провести некоторую амнистию именно

⁶² РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 65. Л. 27–30. На письме Ридигера на русском языке имеются стертые карандашные пометы, сделанные, вероятно, Паскевичем, на основе которых был подготовлен ответ. Надпись: «Поступил 9 (21) августа. № 624/кн Гор» [Князь Горчаков?]; копию в бумагах Менькова см.: РГВИА. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Док. № 45. Основной текст опубликован, см.: Записки Петра Кононовича Менькова. Т. III. С. 286–289. См. Документальное приложение. Док. 6.

⁶³ Паскевич — Николаю I, Береттёуйфалу, 2 (14) августа 1849 г., см.: РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18383. Л. 61–62 об. В переводе на венгерский язык опубликовано в: *Rosonczy I. A biztos győzelem tudatában. Miklós cár és fővezére az 1849-es magyar hadjáratról.* Budapest, 2021. 255–257. old. См. Документальное приложение. Док. 5.

⁶⁴ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 65. 31–31 об. Копия имеется и в бумагах Менькова, см.: РГВИА. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Док. 46. Основной текст опубликован в: Записки Петра Кононовича Менькова. Т. III. С. 289–290. См. Документальное приложение. Док. 7.

в интересах стабилизации политической ситуации. Однако Паскевич ошибся в процитированной последней фразе своего письма. Казни через расстрел и повешение венгерских офицеров, ранее служивших в бывшей императорско-королевской армии, уже начались.

Что касается вопроса о том, была ли капитуляция со стороны Гёргея поспешной — не то чтобы это было действием поспешным или преждевременным, но это был последний момент для того, чтобы совершить этот благородный жест разоружения. К этому времени Лидерс уже занял Трансильванию, сокрушив трансильванскую венгерскую армию. Во время последней встречи с Кошутом в арадской крепости вечером 10 августа Гёргей сказал верховному правителю Венгрии, что, если венгерское войско одержит под Темешваром победу, тогда он выступит против австрийцев в полную силу, а если же южная венгерская армия потерпит поражение, он сложит оружие перед русскими. Мы знаем, что 10 августа Совет министров также постановил сложить оружие перед русскими. В той ситуации при трезвом обдумывании не так уж легко было решить иначе вопрос о судьбе венгерских войск, зажатых в клещи между армиями двух великих держав.

Мы также не можем забывать и о том, что Гёргей с 17 июля по 9 августа в ходе смелой и требовавшей больших усилий военной операции сумел вывести свою армию по большой дуге к месту сосредоточения всех венгерских войск на юге Великой венгерской равнины (Альфёльда), избежав столкновения с более чем трехкратно превосходившей ее главной колонной русских войск и посланными ей в качестве поддержки вспомогательными частями (имеются в виду соединения под командованием генерала П. Х. Граббе и несколько позже начавших выдвигаться из Галиции частей под командованием генерала Д. Е. Остен-Сакена). Вероятно, он все это сделал не для того, чтобы затем вдруг, непродуманно и преждевременно, сложить оружие. Скорее, он это сделал потому, что понимал: вести переговоры можно только при наличии серьезной вооруженной силы за своей спиной.

А. С. В русской мемуаристике нашло отражение мнение об обоснованности поступка Гёргея, который, взвесив все обстоятельства, в конце концов:

<...> признал бесполезным дальнейшее сопротивление Русским войскам, и, чтобы не истощать в материальном отношении своей родины, решился покончить беспцельную войну. В том, что он положил оружие, нельзя видеть измену, а только относительную его предусмотрительность и желание сохранить Венгрию для будущей ее деятельности, за что венгерцы должны его благодарить, а не порицать⁶⁵.

С еще большей определенностью и более эмоционально характеризует поступок Гёргея другой мемуарист: «Подвиг Гёргея был истинным самоотвержением, ибо он знал, что его оклемят позором» — при том, что венгерская армия едва ли могла оказать сопротивление, «ибо уныние и безнадежность были всеобщие». Тем же, кто утверждал, «что ему надлежало бороться до последней крайности», он ответил: «Если лично всякий должен быть готов умереть, то начальнику нельзя распоряжаться так легкомысленно жизнью других»⁶⁶. И все-таки было ли решение Гёргея о капитуляции именно перед русским войском тактически правильным? Мы прекрасно знаем, что этот вопрос еще при жизни Гёргея (а он прожил почти 100 лет) активно дискутировался в венгерском обществе, не говоря уже об исторической литературе. Венгерское общественное мнение часто упрекало Гёргея в отсутствии патриотизма, но, кстати, и марксистская историография (не только в Венгрии) часто выступала, как Вы знаете, с осуждением поступка венгерского генерала, своим якобы малодушным поведением поставившего крест на европейской «весне народов». А какие оценки и трактовки доминируют в Венгрии сегодня? Может быть, капитуляция перед русскими только разозлила австрийцев, и без того униженных прежними военными неудачами и необходимостью обращаться за внешней помощью (и это сказалось на жестокости последующих репрессий)? Вот мнение одного из русских мемуаристов:

Австрийцы более строго относятся к тем из венгерцев, которые положили оружие перед русскими войсками, и ходатайство русских о смягчении их участи не принято во внимание⁶⁷.

⁶⁵ Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 537.

⁶⁶ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 506.

⁶⁷ Верниковский А.Л. Венгерский поход 1849 года. С. 535.

И. Р. Мы уже говорили о том, что история этих трагических для венгров дней была тщательно изучена венгерской историографией, развеявшей многие мифы в связи с решением Гёргея и опровергнувшей возлагавшиеся на него обвинения. Уже 5 июня 1849 г., через несколько дней после назначения главнокомандующим, Хайнау казнил двух венгерских офицеров, попавших к австрийцам в плен. Они были приговорены к смертной казни военным трибуналом еще за несколько месяцев до этого, но приговор этот, исходя из здравого смысла, не был приведен в исполнение двумя прежними австрийскими главнокомандующими, фельдмаршалом Альфредом цу Виндишгрецом и фельдцейхмейстером Людвигом фон Велде-ном. С обнародованием 1 июля 1849 г. манифеста Хайнау с угрозой масштабного возмездия, адресованной всему населению, венгры не могли ожидать ничего хорошего. Паскевич удивился тому, что австрийское правительство «вместо того, чтобы стремиться помириться с народом венгерским, раздражает его прокламациями, в которых смерть обещана для половины народа»⁶⁸. Конечно, венгры не получали от русских никаких гарантий относительно выполнения обещаний, однако на основе имевшейся информации и опыта не только Гёргей и заседавший 11 августа военный совет, но и, повторяю, кабинет министров счел капитуляцию именно перед русскими более благоприятным выбором. Кстати, среди военных, казненных в Араде 6 октября 1849 г., были также генерал Аристид Дежёффи и полковник Вилмош Лазар, которые сдались австрийцам. Они были казнены вместе с генералами и офицерами, сложившими оружие перед русскими⁶⁹. Вместо повешения они были «из милости» убиты выстрелами в голову. Казнили 6 октября и бывшего премьер-министра графа Лайоша Баттьани, арестованного в январе 1849 г. Судебный процесс против него сегодня можно было бы назвать показательным.

Не случайно австрийцы чувствовали себя униженными самим тем фактом, что венгерская армия сложила оружие перед русскими.

⁶⁸ Цит. по: *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 125–126.

⁶⁹ Подробнее см.: *Юхас К.* 6 октября — День памяти арадских мучеников в зеркале истории: практики коммеморации, местные и фольклорные традиции // Центральноевропейские исследования. 2018. Вып. 1(10) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2019. С. 17–46.

Однако настоящим унижением стало уже то, что габсбургская власть была вынуждена прибегнуть к использованию против собственных взбунтовавшихся подданных армии другой великой державы. Становится безудержной тяга к отмщению. А тем временем австрийцы торжественно праздновали свою победу. Здесь вновь уместно процитировать российского очевидца. Полковник А. К. Баумгартен, позже ставший известным генералом, который участвовал в венгерской кампании в качестве командира 17-го (Брянского) егерского полка, в сентябре 1849 г. находился в Вене. 12/24 сентября он записал в дневнике:

Вечером в театре, в заключение представляются живые картины, победа Радецкого при Новаре и другие, и все его подвиги в самых патетических фразах декламируются актерами, вызывающими аплодисменты со стороны одних австрийских офицеров, тогда как вся прочая публика молчит при этих пошлостях. <...> Похвала становится приторна, являются портреты Радецкого, Генау, Елачича, Шлика, Императора на табакерках, тарелках, сигарочницах и почтовой бумаге, на конфектах, сюрпризах, подносах, чашках и стаканах, — нет вещи, на которой бы вы не были уверены встретить один из этих портретов, не выключая и носовых платков⁷⁰.

После того как венгерская армия сложила оружие, развернулись споры: а почему Гёргей не обставил решение сдать армию какими-то условиями, говорили и о том, что он слишком легко принял это решение, и что он предал дело борьбы за независимость, принес своих товарищей, генералов, в жертву и т.п. Эти обвинения Гёргея в государственной измене с возложением на него личной ответственности за всё произошедшее были впервые сформулированы Кошутом, эмигрировавшим из Венгрии, уже 12 сентября 1849 г. в письме из Видина венгерским дипломатическим представителям за рубежом. Этим выступлением Кошут задал направление всей эмигрантской политике. Он верил в то, что венгерский вопрос окажется в центре внимания европейской общественности, приобретет международное звучание, но для этого надо было создать

⁷⁰ *Баумгартен А. К.* Дневники 1849, 1853, 1854 и 1855 гг. / с предисловием и примечаниями П. Н. Симанского // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 4. С. 53.

впечатление, что венгерское сопротивление может стать сильным, жизнеспособным и сплоченным, ведь причиной его поражения стало лишь предательство человека, стоявшего во главе его. Веря в возможность продолжения борьбы за свободу, Кошут возложил всю ответственность за прежнюю неудачу на одного человека.

Обсуждение предательской роли Гёргея и противопоставление Кошута Гёргею стали, таким образом, предметом венгерского общественного дискурса. Венгерские политики — участники тех событий и боевые соратники — яростно расходились во взглядах, при этом все немного приукрашивали свою роль или приводили ее в соответствие как общественным ожиданиям, так и менявшимся обстоятельствам. Война за независимость стала предметом огромной мемуарной литературы. В 1920-е гг. с открытием австрийских архивов и получением доступа исследователей к официальным документам габсбургской эпохи начался новый этап в изучении темы: расширились возможности проработки и сопоставления разных источников, в частности мемуаров (основанных на более позднем воспроизведении тех событий их непосредственными участниками) с официальными австрийскими документами того времени, а также с оказавшимися в руках австрийцев венгерскими документами. Одними из результатов этого поворота в изучении темы стали переоценка роли Гёргея, признание его боевых заслуг.

Новый период в изучении темы наступил после 1945 г. Гёргей стал объектом изучения марксистской историографии, которая, возродив прежние (второй половины XIX в.) обвинения в его адрес, вместе с тем стремилась превратить его в своего рода образец, эталон «внутреннего врага», подорвавшего революционное прогрессивное движение своего времени. Он подавался как типичный пример военачальника и политика, чья классовая ограниченность привела к предательству революции. Причем ситуация в изучении темы была значительно хуже, чем в случае с упрощенческими представлениями второй половины XIX в., поскольку игнорировались результаты выполненных до 1945 г., основанных на широком круге источников и высоко профессиональных, ценных исследований, поскольку они не вписывались в заданный идеологически «правильный» нарратив. Оставались также неизученными российские источники, хотя, если даже архивные документы пока еще не были

доступны, можно было вполне использовать значительное количество опубликованных источников. Конечно, эти источники было невыгодно привлекать еще и потому, что русская мемуарная литература, на которую Вы здесь ссылались, помимо всего прочего давала совсем иной образ Гёргея, чем тот, что утвердился в официальной марксистской историографии, и иногда оценивала его роль прямо противоположным образом.

Это положение стало меняться ко второй половине 1980-х гг. На сегодня, благодаря широкому кругу архивных источников (в том числе материалов из австрийских и российских архивов), документальных публикаций, а также разработке исследователями тех или иных аспектов этой темы, в венгерской исторической науке утвердилась точка зрения, что этот военачальник заслуживает своего почетного места в пантеоне выдающихся борцов за венгерскую национальную свободу. Вообще его достоинства как военачальника русские современники оценили выше, нежели венгры, будь то современники или историки, поскольку последние часто исходили из политических оценок даже тогда, когда первостепенное значение имели чисто военные соображения.

А. С. Говоря об историографии венгерского похода русской армии и — шире — реакции России на венгерскую революцию 1848–1849 гг., мне хотелось бы отметить вклад российских историков разных поколений в изучение темы. В свое время Р. А. Авербух ввела в научный оборот немало ценных документов, прежде всего из российских дипломатических архивов. Немалую роль в осмыслении тех событий и прежде всего проблем межнациональных отношений в Венгерском королевстве внес мой учитель Т. М. Исламов. Еще один вопрос хотелось бы затронуть. Провозгласившему низложение Габсбургов с венгерского престола Лайошу Кошуту, харизматическому лидеру венгерской революции, своекорыстному и тщеславному «политическому мечтателю», якобы готовому все принести в жертву «своему неограниченному самолюбию и властолюбию», мемуарист Ф. Григоров противопоставил Гёргея, который «пожертвовал своим самолюбием для счастья своего отечества»⁷¹. Конечно, в венгерской исторической литературе еще чаще можно

⁷¹ Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 505.

встретить подобного рода противопоставление капитулировавшего перед русским войском Гёргея Кошуту. А сыграли ли разногласия Кошута и Гёргея на заключительном этапе войны роль фактора, ослаблявшего дело венгерской революции? И также более общий вопрос: фигура Кошута вызывает ли сегодня хоть какие-то споры в современной венгерской литературе? Не высказывается ли мнение о том, что провозглашение 14 апреля 1849 г. лишения прав Габсбургов на венгерскую корону сыграло, скорее, негативную роль, закрыв пути к выработке компромисса с Веной с учетом венгерских национальных интересов?

И. Р. В венгерской общественной мысли, как я уже упомянула, было довольно распространенным делом противопоставлять Кошута и Гёргея и искать в самом этом их противостоянии одну из причин неудачи венгерской борьбы за независимость. Причем за этими трактовками совершенно исчезает тот факт, что с появлением русской армии на венгерских полях сражений одержать военную победу в этой неравной борьбе было уже невозможно.

К сегодняшнему дню исследователями уже установлено, что, хотя между Кошутым и Гёргеем и было множество конфликтов, степень противостояния между ними раздувалась и мифологизировалась уже после поражения венгерской национально-освободительной борьбы. Напряженность в отношениях между политиком и военачальником усиливалась во время оборонительной войны, когда Кошут стал вмешиваться в решение сугубо военных вопросов в ожидании военной победы, способной ободрить венгерское общество, или когда Гёргей высказывался (иногда просто был вынужден высказаться) по политическим вопросам, делая это в интересах поддержания боеспособности армии. В чрезвычайной ситуации оба чувствовали ответственность за будущее страны, за принимаемые решения, и ни один из них не избежал ошибок.

Отношения между ними в самом деле ухудшились после обнародования в апреле 1849 г. Кошутом Декларации независимости. Узнав о русской вооруженной интервенции, Гёргей, также как, впрочем, многие его современники, счел, что Николая I спровоцировало на военные действия именно провозглашение независимости. Сегодня мы знаем, что Гёргей в этом ошибался, поскольку к тому времени, когда известие о Декларации независимости дошло

до Вены, принципиальное решение о российском военном вмешательстве уже было принято, и это случилось вследствие весенней серии побед венгерской армии. Значит, мы можем утверждать, что действия Гёргея и других военачальников на поле боя в гораздо большей мере вызвали приход в пределы соседней империи русских войск, чем Декларация независимости, провозглашенная Кошутом.

Кошут был уверен, что с обнародованием Декларации независимости западные державы откажутся от своей прежней проавстрийской политики, выступят в защиту Венгрии, признают ее независимость. Однако он ошибся. Эта декларация не привела к каким-либо благоприятным для венгерского дела изменениям в международной политике, но, правда, с другой стороны, не оказала и слишком негативного влияния. (Следует также заметить, возвращаясь к одному из ранее затронутых нами вопросов, что Декларация независимости вовсе не провозглашала Венгрию республикой, а только объявляла о лишении Габсбургов прав на венгерский трон. Соответственно, место венгерского короля оказывалось вакантным, что, собственно, и делало возможным восхождение на трон монарха из неавстрийского правящего дома.)

Мы не должны забывать также и о том, что само провозглашение независимости стало ответом на так называемую Ольмюцскую, или октроированную, конституцию от 4 марта 1849 г. Австрийский император распустил австрийское имперское собрание и от своего имени дал народам империи новую конституцию, которую разработали премьер-министр Шварценберг и министр внутренних дел граф Франц Штадион. Согласно новой имперской конституции, основанной на принципах централизма, единая и неделимая Австрийская империя состояла из разных коронных земель, а наиболее важные дела сосредотачивались в ведении монарха и будущих общеимперских собраний. Новая конституция упраздняла Венгерское королевство и делила его территорию на пять коронных провинций, находившихся в прямой зависимости от венского правительства. Эта конституция была неприемлема не только для венгров, но и для других народов империи, которые в силу исторических причин пользовались до тех пор в той или иной степени автономией (чехи, хорваты). Словаки же сочли оскорбительным то, что в тексте конституции они даже не упоминались.

И что, Кошуту надо было стать «политическим мечтателем» в этой ситуации? Весной и летом 1848 г. ситуация в Европе была крайне изменчивой, пластичной. В повестке дня стоял вопрос о германском единстве, проблема заключалась в том, войдут ли в будущее единое германское государство немецкие провинции Австрийской империи. В этом последнем случае произошло бы коренное изменение баланса сил в Европе. Были также неясны перспективы дальнейшего развития Италии. Вообще о многих политиках можно сказать, что они были в этот период мечтателями. Но медленно происходило возвращение на прежние рельсы. Установленный в 1815 г. расклад сил на европейской сцене был восстановлен, и к весне 1849 г. приходилось считаться с серьезным вооруженным сопротивлением только в Венгрии. Однако это сопротивление оказалось успешным именно в результате программы социальных реформ, осуществленной в предыдущий год революции.

Одним из разработчиков этой программы реформ был Кошут. 3 марта 1848 г., а значит, еще до революций в Вене и Пеште, он произнес на сессии нижней палаты венгерского парламента речь, имевшую историческое значение для будущего всей империи. Он перечислил основные требования гражданского реформирования общества, указал на необходимость расширения политических прав, облегчения налогового бремени, освобождения крепостных (с компенсацией землевладельцам), назначения ответственного перед парламентом правительства, способного обеспечить реальное самоуправление страны, и вместе с тем поднял слово в защиту модернизации государственно-правовой системы всей империи, потребовал конституции для всех наследственных провинций Габсбургской династии.

А. С. Российские офицеры (по крайней мере, значительная их часть) в момент вступления в 1849 г. на территорию Венгерского королевства не были, насколько можно судить по донесениям и мемуарам, в деталях осведомлены о подъеме национальных движений отдельных народов (и в том числе, конечно, славянских, составлявших около 40 % населения Габсбургской империи), о развернувшемся процессе национального возрождения этих народов и сопряженной с ним идее славянского единства, выработке программ, сложных взаимоотношениях венгерского революционного правительства

с движениями других народов — сербов, хорватов, румын, словаков. Однако, оказавшись в венгерских землях, они могли воочию обнаружить межэтнические трения, проявлявшиеся среди прочего и в том, насколько по-разному кое-где встречали приход русских войск представители разных этносов. Не только славяне северных и северо-восточных областей королевства, но и немцы трансильванских Херманштадта и Кронштадта иногда выказывали радость при входе русских войск, встречая их как своих защитников. Более того, в Трансильвании, особенно в Восточной Трансильвании, русские солдаты и офицеры (корпус генерала Лидерса) стали непосредственными свидетелями острых и кровавых межэтнических распри, которые настойчиво, но далеко не всегда успешно пытался предотвратить генерал Бем, видевший в этом ослабление единого фронта борьбы против Габсбургов. Эти конфликты нашли довольно подробное отражение как в рапортах русских офицеров из Трансильвании (А. Непокойчицкого и др.), так и в мемуарах (например, М. Дарагана). А был ли, на Ваш взгляд, шанс достигнуть хотя бы частичного компромисса и пусть до некоторой степени, но предотвратить насилие, возникшее на почве неразрешенных межнациональных противоречий? Другой вопрос в той же связи: некоторая готовность пойти на уступки национальным меньшинствам, проявленная окружением Кошута в последние недели революции и явно запоздалая, явилась ли принципиальным поворотом в венгерском политическом мышлении или все-таки скорее носила тактический характер?

И. Р. Венгерское либеральное дворянство, которое осуществляло программу гражданских преобразований и было привязано к решению прежде всего национальных задач, действительно считало достаточным расширение индивидуальных прав и свобод, таких как, например, освобождение крепостных, для всех, независимо от языка или религии. Естественно, что политики, защищавшие права других национальностей, также были национально ангажированы, привязаны к собственной национальной идентичности, языку, религии, а в силу этого считали программу венгерской революции недостаточной. Венское правительство пыталось втянуть движения национальных меньшинств в орбиту своей политики, чтобы тем самым ослабить лагерь вооруженной борьбы венгров. Вышеупомянутая

Ольмюцкая октроированная конституция от 4 марта 1849 г. показала, что Вена, при всех прекраснорудных словах, отнюдь не собиралась признавать права национальностей как сообществ. Вследствие пережитого обеими сторонами горького опыта кровавых междо-нических конфликтов потребность в компромиссе с обеих сторон и согласовании интересов усилилась. Вы упомянули междо-нические столкновения между секеями⁷² и румынами в восточной части Трансильвании, но надо помнить, что в Южной Трансильвании, в комитате Алшо-Фехер, еще раньше, уже осенью 1848 г., начались (причем с румынской стороны) зверства против мирного гражданского населения, сопровождавшиеся ограблением целых поселений, много жертв было и зимой. Нельзя забывать о том, что противоречия, требовавшие разрешения, существовали не только между венграми и национальными меньшинствами венгерских исторических земель, но и, например, между сербами и румынами. Замечу здесь: если мы углубляемся в изучение только трансильванских или сербских вопросов, ситуация нам кажется более серьезной, нежели если бы мы определяли глубину конфликтов в масштабе Венгерского королевства в целом. Надо учитывать и тот факт, что венгерские политики исходили из необходимости сохранения территориальной целостности страны.

Одним из событий, непосредственно предшествовавших принятому 28 июля 1849 г. в парламенте постановлению, которое может рассматриваться как закон о национальностях, стал проект венгерско-румынского примирения (*Projet de pacification*), подписанный в Сегеде 14 июля 1849 г. Л. Кошутом и видным лидером румынской валашской эмиграции Николае Бэлческу. Я не считаю разработку и подписание плана венгерско-румынского примирения только лишь тактическим шагом, будь то с румынской или с венгерской стороны, скорее, это был жест исторического масштаба, такой же, как принятие венгерских законов о национальности и еврейской эмансипации. Этот закон действительно стоило бы оценить в сопоставлении с другими аналогичными мерами того времени, но мы

⁷² *Секеи* — этническая группа на юго-востоке Трансильвании, обладавшая венгерским самосознанием, говорившая на венгерском языке и имевшая особый административно-правовой статус на территории проживания. Главной обязанностью секеев была охрана границ страны.

и не находим таковых. Я бы рискнула предположить, что, если бы не вмешательство великой державы, конфликты между венграми и национальными меньшинствами удалось бы урегулировать, по крайней мере, на время. Известно, что Кошут, извлекая в эмиграции уроки из событий 1848–1849 гг. и продолжая размышлять о способах решения вопроса о национальностях, в 1851 г. в турецком городе Кютахья завершил работу над своего рода проектом конституции, в котором предложил основы самоуправления при нерушимости границ, а позже, через десять лет, сформулировал план конфедерации дунайских народов.

А. С. Судя по многим мемуарам, в русской офицерской среде мстительность австрийцев по отношению к восставшим венграм зачастую вызывала негодование. Ф. Григоров, в 1849 г. адъютант генерала Ридигера, впоследствии размышлял:

Австрия не могла совсем простить венгерцам, и это понятно, но не должна ли она была вести себя как держава могущественная, не позволяя в таком деле, где надлежало руководиться одними государственными и политическими соображениями, действовать личностям и мелким страстям⁷³.

Мы уже затрагивали вопрос о том, что Николай I, честно выполнив свои союзнические обязательства, все же рассчитывал на амнистии со стороны австрийских властей к восставшим венграм и с негодованием воспринял жестокие репрессии. Правда ли, что после известия об этом он долго отказывался принять австрийского посла? Ведь массовые казни ударили и по его репутации в глазах зарубежных элит, бросили тень на Россию как на соучастницу расправ.

И. Р. Выше мы уже касались этого вопроса. Российский император действительно предложил молодому австрийскому правителю провести амнистию. С вестью о капитуляции венгров он отправил в Вену престолонаследника цесаревича Александра:

Давайте вознесем хвалу Богу <...> за этот благоприятный результат <...>, воздадим ему хвалу за <...> то, что дал тебе случай реализовать самое прекрасное из предоставленных правителю прав,

⁷³ Там же. С. 510.

проявить милость, правильно истолкованную. <...> Милость заблудшим, твой друг просит об этом; а с подстрекателями обходиться по заслугам⁷⁴.

В то же время, упоминая конкретное лицо, император просил лишь о Гёрге⁷⁵.

В то же время Николай обратил внимание Паскевича на то, «чтоб не было со всей этой сволочью никаких у нас близких сношений». «Они бунтовщики», а значит, их судьба и судьба Венгрии должны быть доверены «законному государю». «Прочее от него одного зависит и до меня уже не касается, как и за последствия не отвечаю ни в каком случае», — писал он Паскевичу 19 августа⁷⁶.

Казни тех, кто добровольно сдал оружие русским, были восприняты в Санкт-Петербурге поистине с возмущением. Об этом канцлер Нессельроде проинформировал посла Австрии в Российской империи графа Карла фон Буоль-Шауэнштейна. 20 октября Буоль отправил Шварценбергу в Вену следующее донесение:

Я должен сообщить о неприятном разговоре, который у меня только что был с графом Нессельроде. Он позвал меня к себе и сказал, что царь эмоционально воспринял полученные от г-на графа Медема новости о многочисленных казнях военных в Венгрии и что он чувствовал себя оскорбленным в своих личных чувствах, потому что эти суровые меры были применены в отношении тех самых людей, в связи с которыми император зывал к проявлению милосердия со стороны нашего Величества. Канцлер <...> был удивлен

⁷⁴ Николай I — Францу Иосифу I, Варшава, 16 августа 1849 г., цит. по: *Katona T. Az aradi vértanúk.* 307. old.

⁷⁵ Сохранение жизни самому Гёргею явилось предметом особой договоренности между российским и австрийским дворами. Вплоть до установления в 1867 г. системы австро-венгерского дуализма генерал находился в ссылке в австрийском Клагенфурте. Любопытно, что среди русских офицеров ходила не имевшая ничего общего с действительностью версия, согласно которой австрийцы держали там Гёргея, дабы уберечь его от мести венгерских патриотов, не способных простить генералу «предательство». «В Кашау рассказывали, что Гёргея увезли австрийцы на жительство в крепость Клагенфурт, потому что опасались, чтобы венгерцы не убили его за измену, и что ему определила Австрия пенсию бригадного генерала» (*Верниковский А.Л.* Венгерский поход 1849 года. С. 530–531).

⁷⁶ Николай I — Паскевичу, 7 (19) августа 1849 г., Варшава, цит. по: *Щерба-тов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. С. 331–332.

тем, что не было проявлено большего уважения к пожеланию правителя, оказавшего нам столь значительные услуги <...>. Он ясно дал мне понять, что мы совершили политическую ошибку, оскорбив своего лучшего союзника, а кроме того, сделав еще более непримиримым именно тот народ, который прежде всего и следовало примирить⁷⁷.

24 октября Буоль снова писал премьер-министру о раздражении Николая I в связи с казнями венгерских революционеров⁷⁸.

Те же, кто непосредственно вступил в контакт с капитулировавшим Гёргеем и его товарищами-генералами, то есть Паскевич или, как мы видели, Ридигер, пытались предпринять определенные шаги в защиту пленников. 3 ноября Буолю пришлось уведомить Шварценберга, что Нессельроде довел до его сведения жалобу Паскевича: после казни командира Арадской крепости генерала Яноша Дамьянича у его жены отобрали имущество супруга. Нессельроде сообщил Буолю, что государь император «искренне интересуется судьбой несчастной вдовы»⁷⁹.

А. С. При всей неоспоримости непосредственного участия русских войск (и в том числе дивизии Панютина, сражавшейся под прямым австрийским командованием) в боевых действиях, венгерская кампания, вопреки оценкам некоторых мемуаристов (особенно адъютантов Паскевича и Ридигера), едва ли могла способствовать повышению полководческого авторитета Паскевича и еще менее — укреплению международного престижа России. Как заметил позже один из участников венгерского похода:

Отдав Венгрию Австрии, Россия закрыла себе ворота на Восток. Австрия будет мешать успешному разрешению этого вопроса. [В свою очередь и] Венгрия не позабудет 1849 года и постарается отомстить России за свое унижение⁸⁰.

⁷⁷ Полный текст донесения приведен в: *Katona T. Az aradi vértanúk.* 461–462. old.

⁷⁸ Буоль — Шварценбергу, Санкт-Петербург, 24 октября 1849 г. См.: *Katona T. Az aradi vértanúk.* 462–463. old.

⁷⁹ Буоль — Шварценбергу, Санкт-Петербург, 3 ноября 1849 г. См.: *Katona T. Az aradi vértanúk.* 466. old.

⁸⁰ *Верниковский А.Л.* Венгерский поход 1849 года. С. 535.

Не совершил ли Николай стратегической ошибки, откликнувшись на просьбу Франца Иосифа? Скажите также, как знаток офицерских мемуаров: не казался ли поход во имя спасения Габсбургов бессмысленным многим его участникам, тем более что, как уже было сказано, сопровождался немалыми жертвами вследствие эпидемии холеры? Насколько характерное умонастроение выразил один из участников похода, Н. Исаков, высказавшийся в мемуарах со всей офицерской прямоотой: «Цель войны была нам чужда. Союзники наши, австрийцы, были нам противны»⁸¹?

И.Р. Некоторые из оставивших воспоминания русских офицеров действительно чувствовали, что цель войны им чужда. Пропитированный Вами Исаков был флигель-адъютантом Николая I, и это значит, что он зафиксировал мнение, которое звучало в окружении царя. А один польский галицийский автор увековечил мнение простых военнослужащих о том, что война против венгров воспринималась с непониманием: «Они говорили о венграх с болью, сожалел о том, что им пришлось встретиться с ними как с врагами: “Жаль, что пришлось сражаться с этим хорошим и славным народом, лучше бы выпили вина за их здоровье <...>. Гордый народ”», — записал слова одного русского офицера житель Кракова Казимеж Гиртлер⁸².

Однако армия была мощной дисциплинированной машиной, и позицию офицерского состава определяло в первую очередь осознание имперского величия и проистекающее отсюда ощущение непобедимости армии, ее превосходства, а значит, уверенности в собственных силах.

Что касается Николая I, то он тогда посчитал эту военную кампанию целесообразной и полезной в интересах обеспечения веса Российской империи на европейской арене. Это, может быть, становится ясным из всего вышеизложенного, как и тот факт, что в середине XIX в. в ней были заинтересованы все великие державы Европы, ведь каждая из них ставила своей стратегической целью

⁸¹ *Исаков Н.В.* Венгерская кампания 1849 г. // Исторический вестник. СПб., 1913. № 3. С. 838.

⁸² *Girtler K.* Opowiadania. Pamiętniki z lat 1832–1857 / oprac. Z. Jabłoński, J. Staszczel. Kraków, 1971. S. 293.

сохранение в основе той системы отношений между державами, которая была установлена на континенте в 1815 г.

Венгерская национальная память в большей мере сохранила положительные образы вступившей в страну русской армии: это и память о рыцарских жестах, и то, что Ридигер принимал своих пленников на обеде в штабе на следующий день после их разоружения, причем венгерские генералы появлялись там в национальной форме и с саблями; это и гуманное обращение русских с военнопленными, ведь они не содержались под строгой стражей, так что оставалась открытой возможность их побега, что вызывало недовольство австрийских союзников; венгерская память сохранила и то, с каким признанием российские офицеры отзывались о боевых успехах своего противника. Более того, ценность таких жестов только возросла перед лицом грубых действий австрийцев, жаждавших мести.

Завершение венгерского похода Николай I отпраздновал как яркий триумф. При этом как-то быстро забылось, что российский главнокомандующий добился некоторых частичных успехов в боях, выступая против несопоставимо меньших в количественном отношении сил, а в конце концов сам венгерский главнокомандующий, оценив всю безвыходность положения, предпринял жест, завершивший кампанию. При том что он, несомненно, предвосхитил поражение, русские офицеры, которых Вы часто цитировали, осознавали моральное значение этого поступка.

Вместе с тем успех кампании 1849 г. и тот факт, что русским оружием удалось обеспечить сохранение *status quo*, означавшее также (пусть всего на два десятилетия) отсрочку объединения германских земель, сформировали неадекватную оценку российским монархом ситуации. Николай I самоуверенно вступил в новую Восточную войну, ставшую настоящим испытанием для его армии и принесшую ему горькое отрезвление. Сделав выводы из военной помощи, оказанной русским императором в интересах спасения монархии Габсбургов, западные державы уже в 1853 г. предприняли совместные действия против России. Однако ставка теперь была иной: раздел стратегически важных территорий ослабевающей Османской империи, обеспечение державами сфер своего влияния. Недружественный России «нейтралитет» Австрии шокировал российский двор, Санкт-Петербург оказался в полной дипломатической изоляции, а затем столкнулся с вооруженной коалицией западных держав.

А. С. Венгерская революция стала серьезным вызовом для европейского миропорядка, поскольку реально обозначилась перспектива распада Габсбургской монархии, чья значимость в поддержании равновесия сил усиливалась ее средневропейским положением. Мы говорили о том, что в западноевропейских столицах не хотели радикальной перестройки существующей системы международных отношений в Европе и не поддерживали, как известно, венгерское правительство, порвавшее с Габсбургами. Причем такое отношение к венгерской революции разделяли не только монархические режимы (включая российский, выступивший прямым союзником Габсбургов в подавлении венгерской революции), но и установившаяся на революционной волне Вторая Французская республика. Мы уже говорили и о неудачах при согласовании интересов венгров с интересами других народов империи, придя к выводу, что более роковую роль в судьбе венгерской революции сыграл не этот внутренний фактор, а все-таки, скорее, отсутствие поддержки извне. Хотя история не знает сослагательного наклонения, было бы заманчивым пофантазировать. Какие перспективы открывались перед венгерской революцией в случае победы? Не привела бы она к коренному преформатированию средневропейского пространства и геополитическому сдвигу, не менее, а то и еще более радикальному, чем тот, что произошел через 15–20 лет с объединением Италии, созданием дуалистической Австро-Венгрии и провозглашением Германской империи?

И. Р. Вы спрашиваете, какие перспективы открывались перед Венгерской революцией в случае ее победы... Конечно, интересно было бы поразмышлять над возможными альтернативами, однако потомкам легче быть мудрыми, и они зачастую лучше знают все предпосылки войн, все конкретные обстоятельства и возможности выхода из сложившихся исторических ситуаций, нежели сами непосредственные участники событий. А зная о соотношении сил в Европе в 1849 г., можно утверждать, что тогда не было никакой реальной возможности для создания независимой Венгрии и для того, чтобы венгерская победа привела к значительной геополитической перестройке в этом регионе. Венгерская победа, может быть, в самом лучшем случае, могла бы привести к достижению такого австро-венгерского компромисса, который расширил бы

самостоятельность Венгрии в рамках империи. При таком компромиссе можно было сэкономить двадцать лет. С обеих сторон были сторонники такого компромисса. Но в конце концов в Вене взяли верх силы, которые увидели путь к консолидации австрийского государства в том, чтобы прибегнуть к применению русского оружия. С началом русско-австрийских переговоров о военной помощи, а тем более когда российские войска уже двинулись в Венгрию, стало совершенно очевидно, что компромисса не будет. Ведь теперь австрийское правительство уже больше не могло послать русскому императору депешу о том, что вот, мол, произошло недоразумение, а теперь мы все-таки помирились с «мятежниками». Добавим к этому, что, хотя вооруженная борьба и закончилась поражением Венгрии, социальная программа буржуазной революции 1848 г. была реализована, правда, в несколько ограниченном варианте.

Можно со всей определенностью сказать, что судьбу Венгерской войны за независимость предопределило соотношение сил на международной арене, а роли национального вопроса мы уже касались. Попытки венгерского правительства установить официальные дипломатические отношения будь то с Парижем или Лондоном не увенчались успехом. Его талантливые, высокообразованные представители могли иметь хорошие отношения с журналистами, их допускали в салоны, где формировалось общественное мнение, они могли находиться на дружеской ноге и с политиками, но принимали их только как частных лиц. Показателен в этом плане опыт Ласло Салаи, прибывшего в декабре 1848 г. в Лондон с дипломатической миссией. Когда он попросил аудиенции у министра иностранных дел Англии лорда Пальмерстона, то получил ответ от государственного секретаря лорда Эдисбери. Ему было сказано:

К сожалению, виконт Пальмерстон не может Вас принять. У британского правительства есть представление о Венгрии только как об одном из элементов, образующих Австрийскую империю; и таким образом, любое извещение, которое вы хотите направить Правительству Его Величества <...>, должно быть сделано только бароном Коллером, представителем австрийского императора при нашем королевском дворе⁸³.

⁸³ Лорд Эдисбери — * * * [Л. Салаи. — *И.Р.*], 13 декабря 1848 г., Лондон, см.: *Correspondence Relative to the Affairs of Hungary 1847–1849*, presented

Впрочем, к июлю 1849 г. именно вследствие упорной вооруженной борьбы венгров произошел небольшой поворот в британской внешней политике. Принимая во внимание тот факт, что затяжная война может ослабить Австрию как гаранта равновесия сил в Европе, Пальмерстон в парламентской речи 21 июля 1849 г. заметил:

Если Венгрия будет полностью разгромлена превосходящей ее силой, Австрия в этой борьбе полностью раздавит и собственную правую руку. Ведь каждое разоренное поле — это уничтожение австрийского источника сырья, а каждый человек, выпадающий из рядов венгров — это одновременно и потеря австрийского солдата, его выпадение из системы оборонительных сил империи⁸⁴.

В начале августа, чтобы положить конец войне, он предложил через своего посла в Вене посредничество, чтобы подготовить путь к достижению компромисса между венгерской и австрийской сторонами. Это предложение оказалось запоздалым, но оно также показывает, что коренной принцип внешней политики Англии никак не изменился: она по-прежнему исходила из важности существования сильной австрийской монархии и ее роли как общеевропейского фактора.

А. С. Известно, что Николай I, принимая решение о военной помощи, руководствовался как своими представлениями о поддержании определенных общеевропейских устоев, об угрозе целостности собственной империи, так в некоторой мере и идеей монархической солидарности, но отнюдь не панславистскими устремлениями, которые ему часто приписывали не только в Венгрии, но и в Западной Европе. В славянах, если они были не лояльны Габсбургам, в Петербурге

to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. 15 August 1850. London, [1850?]. No. 79. P. 107; Лорд Эддисбери — * * *, 19 декабря 1848 г., Лондон, см.: Correspondence Relative to the Affairs of Hungary 1847–1849. No. 82. P. 109. Краткое содержание документов опубликовано в: *Haraszi É. Az angol külpolitika*. 135. old.

⁸⁴ См.: Russian invasion of Hungary. Vol. 107: debated on Saturday 21 July 1849 // Hansard — UK Parliament. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1849-07-21/debates/4e77e35c-bbb5-40a2-aead-3029c6a51736/RussianInvasionOfHungary> (дата обращения: 18.02.2021). Ср.: *Haraszi É. Az angol külpolitika*. 236. old.

видели не менее злостных бунтовщиков, чем в венграх. А среди русских офицеров, участвовавших в венгерском походе, насколько распространены были идеи славянского единства и насколько повлиял опыт пребывания в габсбургских землях, заселенных в немалой мере славянами, на усиление в их сознании панславистских идеалов? Вот я вспоминаю в этой связи, например, мемуары М. Лихутина...

И.Р. Действительно, во многих российских воспоминаниях встречается мнение, согласно которому эта военная акция считалась важной с точки зрения будущего славянских народов, живших в Австрийской империи. Опыт, полученный во время этой кампании, действительно укрепил идеи взаимозависимости славянских народов, представления о возможном создании единой славянской нации и об особой миссии России в деле формирования будущего славянства. У Сонцова, уже многократно нами цитировавшегося, читаем:

Необходимо было показать, где Славянам в будущем нужно искать руку помощи от натисков чужих племен (как то делали Мадыары с Славянским населением в Венгрии), показать в стране, частью Славянской, все могущество России, той необъятной силы, которую сама судьба дала в покровители разьединенным Славянским племенам⁸⁵.

Обо всем этом пространно пишет в военно-исторической работе и М.Д. Лихутин, вышедший в отставку в чине генерал-майора — он участвовал в венгерской кампании в качестве штабного офицера 4-го корпуса. Его часто цитируемая работа о венгерском походе была впервые опубликована в 1875 г., а затем переиздана в 2011 г.⁸⁶ Он рассуждал:

Относительно славян все, по-видимому, указывало на пользу вмешательства. ... Обессиливая мадыар, мы давали славянам возможность достигать лучшей будущности, открывали новые пути к ней и возвышали дух их, не рискуя ничем в сомнительных предприятиях для целей слишком отдаленных⁸⁷.

⁸⁵ Сонцов Д. Из воспоминаний о венгерской кампании. С. 6.

⁸⁶ Лихутин М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году // Усмирение Венгрии 1848–1849 / сост. П.Ю. Пернавский. М., 2011. С. 151–383.

⁸⁷ Лихутин М. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. С. 262–264.

В случае с Лихутиным я тоже чувствую большое воздействие распространившихся в российском обществе второй половины XIX в. панславистских идей.

В то же время нам известны такие воспоминания и дневники, в которых вопрос о славянских движениях не затрагивается. Следует, однако, подчеркнуть, что царь Николай I был честным союзником австрийского императора, который в духе династической солидарности предложил помощь в интересах восстановления консервативного порядка и обеспечения территориальной целостности соседней империи, а отнюдь не ее разрушения. Он не поддерживал в ходе военной акции те славянские движения, чьи требования были направлены против названных выше целей, он считал их нелегитимными, подрывными, не использовал их.

А. С. Извлек ли Франц Иосиф какие-то уроки для себя из венгерской революции или его компромисс с венграми в 1867 г., когда Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгерскую дуалистическую монархию, был обусловлен только внешними факторами, то есть объективным ослаблением положения монархии на международной арене в 1860-е гг.?

И. Р. Представления австрийского премьер-министра Шварценберга о единой и целостной, немецкоязычной, управляемой (нео) абсолютистскими методами монархии рассеялись не только вследствие кончины в 1852 г. того, кто грезил этими идеями. Они потерпели неудачу вопреки тому, что благодаря модернизации, осуществлявшейся в основном в экономической сфере, опирались, помимо бюрократии и политической элиты, также и на поддержку австро-немецкой буржуазии. Национально-этнические устремления, будь то новые, недавно возникшие движения или те, что могли опереться на традиции сильной культурной самобытности, и сохраняющие память о собственной самостоятельной государственности, удалось лишь на время отодвинуть на периферию политической жизни. Хотя Австрия и выиграла войну с помощью России, строительство единой тотальной империи все же застопорилось. В 1859 г., после военного поражения, которое привело к утрате Ломбардии, началась конституционная реорганизация австрийского государства. Однако вопрос о растворении Венгрии в составе империи оставался

в повестке дня, эти планы не были приняты созванным в 1860 г. Государственным собранием Венгрии, которое в конце концов было распущено императором. Тяжелое поражение, понесенное Веной в австро-прусской войне 1866 г., позволило созреть тем условиям, благодаря которым в 1867 г. и был достигнут австро-венгерский компромисс.

Почти двадцать лет между поражением венгров в войне за независимость и компромиссом 1867 г. стали как для Вены, так и для Будапешта серьезной потерей во всех отношениях. Сейчас я упомяну лишь о том, что, пожалуй, самый подготовленный в венгерской истории руководящий политический слой, выработавший в 1830–1840-е гг. программу модернизации страны, и военная элита, которая с оружием в руках выступила за реализацию этой программы и за самоопределение Венгрии, раскололись. Многие из тех, кто избежал прямого возмездия, казни, тюремного заключения, призыва в императорскую армию или эмиграции, были вынуждены уйти в тень, отступили на второй план. И если даже в силу своего возраста они еще могли бы сыграть свою роль в формировании будущего страны, то созданная в 1867 г. государственная система не всем им предоставила соответствующие возможности.

*Ответы на вопросы переводил с венгерского А. С. Стыкалин
под редакцией О. В. Хавановой*

Документальное приложение

1

Ф. В. Ридигер — А. Гёргею.
Балашица-Дярмат, 7 [19]* июля 1849 г.

Balassa-Gyarmat, ce 7/19. juillet 1849

Monsieur,

Les troupes, placées sous mes ordres, se sont trouvées en présence de celles que vous commandez ; la fortune des armes s'est prononcée en ma faveur. En vous suivant, j'ai appris partout sur mon passage, que vous ne vous refusez point de rendre pleine et entière justice à la valeur de mon corps d'armée. Ce procédé de franchise de votre part m'impose le devoir de vous donner une preuve de l'estime, que m'inspire votre caractère de brave militaire, et c'est à cette fin que je me suis décidé à vous adresser la présente communication. Vos talents ont sans doute su faire surmonter de graves difficultés à votre corps d'armée ; mais vous ne vous dissimulez point qu'en ce moment un danger imminent le menace. Je viens donc vous offrir, Monsieur, en toute confiance, la voie de négociations. Veuillez m'indiquer les conditions, aux quelles vous jugeriez possible de faire cesser une lutte, désormais inégale pour vous, et je m'empresserai de solliciter à cet égard les ordres de S. A. Mr le Commandant en chef de l'armée Impériale Russe. Je n'ai pas besoin d'ajouter qu'elles seront pesées avec toute la justice qui distingue mon illustre chef, et que votre honneur de brave guerrier ne subira la moindre atteinte.

Reservez, Monsieur, l'assurance de ma consideration la plus distinguée.

Le Comte Rüdiger [m.p.] Commandant en chef d'un Corps d'armée des troupes russes

[*Надпись на конверте:*] A Monsieur Monsieur Arthur Görgey commandant en chef de troupes Hongroises

* Здесь и далее письма российских адресантов датированы по юлианскому календарю и в скобках — по григорианскому.

Оригинал: HU-MNL-OL. P 295 (Magánlevéltárak, Görgey család levéltára).
B sorozat, 3. tétel, b altétel, № 1.
Опубликовано в: *Görgey I.* 1848 és 1849-ből. III. köt. 230–231. old.;
Перевод на венгерский язык см.: *Görgey A. Életem és működésem.* II. köt. 304–305. old.

Перевод*

Балашша-Дярмат, 7 (19) июля 1849 г.

Милостивый государь,

Войска, подчиненные мне, оказались перед лицом тех, которыми командуете Вы; успех оружия на моей стороне. Преследуя Вас, я узнавал повсюду на своем пути, что Вы нисколько не отказываетесь полностью и всецело оценить по заслугам доблесть моего корпуса. Это проявление искренности с Вашей стороны налагает на меня обязанность проявить к Вам уважение, которое у меня вызывает Ваш характер смелого воина, и именно с этой целью я решился отправить Вам настоящее сообщение. Ваши таланты, без сомнения, могли помочь преодолеть Вашему корпусу серьезные трудности, но Вы не можете не признать, что в настоящий момент ему угрожает неминуемая опасность. Я собираюсь, таким образом, предложить Вам, Милостивый государь, путь переговоров. Собираюсь сообщить мне условия, на которых Вы полагали бы возможным прекратить борьбу, отныне неравную для Вас, и я поспешу ходатайствовать о приказании в этом отношении у Его Светлости господина Главнокомандующего Русской императорской армии. Я не имею нужды добавлять, что они будут наделены всей справедливостью, которая отличает моего блистательного начальника, и что Ваша честь как смелого воина не подвергнется ни малейшему уязвлению.

Примите, Милостивый государь, уверения в моем глубоком уважении.

Граф Ридигер, командир Корпуса русских войск

[*Надпись на конверте:*] Господину Милостивому государю Артуру Гёргею, главнокомандующему венгерскими войсками

* Перевод с французского П. В. Мошечкова.

*А. Гёргей — Ф. В. Ридигеру.
Алшо-Жолца, 24 июля 1849 г.*

Alsó Zsólca am 24 Juli 1849

Herr General!

Ihr in der menschenfreundlichen Absicht, fernerem Blutvergießen ein baldiges ersehntes Ende zu machen, an mich gerichtetes, geehrtes Schreiben gibt mir die angenehme Gelegenheit Ihnen über die Präzision und Bravour, mit welcher Ihre Truppen Ihre schönen Manoeuvren von unseren Augen ausführten in aufrichtigen Kompliment zu machen, wie auch Sie zu versichern, dass ich durchaus nicht abgeneigt wäre unter ehrenvollen Bedingnissen die Hand sogleich zum Frieden zu bieten; wenn es sich bloß darum handelte jene Truppen, welche unter meinem Befehle stehen, wie mich selbst, aus einer uns von allen Seiten drohenden großen Gefahr zu retten.

Allein es handelt sich um die Rettung meines armen bedrängten Vaterlandes, dessen politische Existenz der Kaiser von Österreich und seine nächste Umgebung ungerechter und eidbrüchigerweise vernichten wille, wozu in jüngster Zeit leider auch seine Majestät der Kaiser von Russland — wahrscheinlich falsch unterrichtet von dem, was der bessere und größere Theil Ungarns wollte und noch wille — seine starke hilfreiche Hand bot.

Bei der Heiligkeit dieses erhabenen Zwekes, welchem wir unser Leben weihen, müssen Sie als Kavalier und als braver Krieger selbst zugestehen, dass bei uns alle kleinlichen persönlichen Nebenrücksichten um unser eigenes Wohl in den Hintergrund treten, dass wir als Ehrenmänner so lange kämpfen müssen bis unsere friedlichen Mitbürger vor der Gefahr der Unterjochung gerettet oder wir selbst in dem ungleichen Kampfe ruhmvoll untergegangen sind.

Dies meine Antwort als Krieger und als Kommandant der mir vom Staate anvertrauten Truppen.

Ich hoffe, so wie ich, denkt jeder Führer ungarischer Truppen, woraus Sie entnehmen können dass es schwer halten dürfte Ungarn auf den Wege partieller Verträge mit den einzelnen Heerführern zu pazifizieren.

Ist Ihnen aber wirklich daran gelegen Ungarn zu schonen und das arme Land für die Zukunft wenigstens größtenteils von der entsetzlichen Kriegernot zu befreien; und wollte Ihr erlauchter Chef es genehm

finden mir bekannt machen zu lassen, unter welchen Bedingnissen Ungarn mit Seiner Majestät dem Kaiser von Russland Frieden schließen könnte: so würde ich es als meine heiligste Pflicht betrachten die Wege für die zwischen Ihrem erlauchten Chef und der provisorischen Regierung zu beginnenden geheimen Unterhandlungen zu eröffnen und zu ebnen: — und in diesem Falle glaube ich — Ungarns Zustände genau kennend — für Russland ohne Blutvergießen ein erwünschteres Resultat in Aussicht stellen zu können als nach unermesslichen Blutvergießen selbst die vollkommen gelungene Unterjochung Ungarns bieten dürfte.

Man nennt allgemein Seine Majestät den Kaiser von Russland einen gerechten Monarchen: und ich glaube es: allein dann müssen es arge Lügen gewesen sein, mit welchen man Ihn bewog seine braven Truppen zur Unterjochung einer Nation zu verwenden, welche der eigene König durch seine vielfachen Eidbrüche zum verzweifelten Kampfe auf Leben und Tod um ihre eigene legitime Existenz zwang.

Welche immer Folgen diese Zeilen haben mögen, genehmigen Sie den Ausdruck ausgezeichnete Hochachtung welche Sie mir durch Ihr gegen uns an den Tag gelegtes humanes Benehmen, die wir bisher nur die beispiellose Brutalität der österreichischen Generäle gewohnt waren, einflößten.

Arthur Görgei

ung<arischer> General

Оригинал: РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–6 об.; перевод на русский язык: там же. Л. 2–4 об.

Перевод на венгерский язык см.: *Görgey A. Életem és működésem*. II. köt. 305–306. old.

Перевод

Господин Генерал,

Почтенное письмо, которое Вы изволили писать ко мне с человеколюбивою целью положить конец кровопролитию, доставляет мне приятный случай искренно поздравить Вас за точность и храбрость, с коими войска Ваши исполняли, в глазах наших, прекрасные Ваши распоряжения, а с тем вместе уверить Вас, что я нимало не удален от того, чтобы на условиях, чести не нарушающих, немедленно подать руку для заключения мира, если бы дело шло только

о том, чтобы меня и командуемые мною войска спасти от неминуемой, со всех сторон нам угрожающей опасности. Но дело идет о том, чтобы спасти несчастное, опасностию угрожаемое, мое отечество, коего Австрийский Император и ближайшие окружающие его лица хотят, несправедливо и вопреки данной присяге, уничтожить политическое существование, к чему в последнее время Его Величество, Император Российский, побужденный, вероятно, неверными сведениями о том, что хотела и хочет большая и лучшая часть Венгрии, предложил помощь мощной своей руки.

По святости высокой цели, которой мы посвятили свою жизнь, Вы сами как честный человек и храбрый воин должны признать, что у нас всякое мелкое, личное внимание к нашему собственному благу должно быть устранено, что мы как честные люди должны до тех пор сражаться, пока наши мирные сограждане не будут вне опасности порабощения, или пока мы со славою ляжем костями в неравном бое.

Вот мой ответ как ответ воина и предводителя вверенных мне Государством войск.

Я надеюсь, что всякий начальник Венгерских войск думает, как я, а из этого Вам легко будет заключить, что трудно будет усмирить Венгрию путем отдельных с каждым из предводителей войск переговоров.

Но если действительно Вы желаете пощадить Венгрию и предохранить бедный сей край на будущее время от ужасов войны, и если Его Светлости, Вашему Начальнику*, угодно будет поставить меня в известность, на каких именно условиях возможно будет Венгрии заключить мир с Российским Императором, то я священнейшим моим долгом почту открыть и облегчить пути к тайным переговорам между Его Светлостью, Вашим Начальником и Временным Правительством**, а в таком случае, зная с точностью положение Венгрии, я могу подать России надежду на успех более удовлетворительный того, какой могла бы она приобрести после значительно-го кровопролития и даже после покорения Венгрии.

Российского Императора называют вообще справедливым, я также того мнения, но во всяком случае одни злые обманы заставили

* Речь идет о генерал-фельдмаршале И. Ф. Паскевиче.

** Речь идет о Л. Кошуте как президенте-регенте и правительстве, возглавляемом премьер-министром Б. Семере.

Его Величество употребить храбрые свои войска к порабощению народа, который собственный его король принудил частыми изменами к отчаянной борьбе на жизнь и на смерть для обеспечения законного своего существования. Какие бы ни были последствия этих строк, примите выражение отличного уважения, внушаемого мне человеколюбивым поведением Вашим, к нам, испытавшим по сие время одну лишь беспримерную жестокость со стороны австрийских генералов.

Ничего не отвечать на эти дерзости, удивляюсь, от чего завели эту переписку.*

3

Ф. В. Ридигер — А. Гёргею.
Артанд, 28 июля [9 августа] 1849 г.

Monsieur le Général !

J'ai fait parvenir à la connaissance de Monsieur le Maréchal Prince de Varsovie l'arrivée du Baron Peltenberg, comme parlementaire à mon corps d'armée ; Son Altesse me charge de Vous informer, Monsieur, que la destination de Son armée est uniquement de combattre, et que si Vous désirez traiter de Votre soumission à Votre Souverain légitime, il faut que Vous Vous adressiez au Commandant en chef de l'Armée Autrichienne, q[ui] probablement a les pleins pouvoirs nécessaires à cet effet.

Reservez, Monsieur le Général, l'assurance de ma parfaite considération.

Ártánd le 28. Juillet / 9. Août 1849.

Le C-te Theodore Rüdiger, [m.p.]

[Надпись на конверте:] A Monsieur Arthur Görgey [sic] Général en Chef des troupes Hongroises.

Оригинал: HU-MNL-OL. P 295 (Magánlevéltárak, Görgey család levéltára). B sorozat, 3. tétel, b altétel, № 3.

Опубликовано в: *Görgey I.* 1848 és 1849-ből. III. köt. 548–549; *Ореус И.* Описание Венгерской войны 1849 года. Приложения. С. 109.

Перевод на венгерский язык см.: *Görgey A.* Életem és működésem. II. 405–406. old.

* Собственноручная помета И. Ф. Паскевича.

Перевод*

Господин Генерал,

Я сообщил господину Генерал-фельдмаршалу Князю Варшавскому о прибытии в мой корпус барона Пёльтенберга в качестве парламентаря; Его Светлость поручил мне проинформировать Вас, Милостивый государь, что предназначение его армии состоит исключительно в том, чтобы сражаться, и что если Вы желаете вести переговоры о Вашей капитуляции Вашему легитимному монарху, надлежит, чтобы Вы обратились к Главнокомандующему Австрийской армии, который, навверняка, имеет для этого необходимые полномочия.

Примите, Господин Генерал, уверения в моем совершенном почтении.

Артанд, 28 июля (9 августа) 1949 г.

Граф Фёдор Ридигер

[*Надпись на конверте:*] Господину Артуру Гёргею, Главнокомандующему венгерскими войсками

4

***А. Гёргей — Ф. В. Ридигеру.
Альт-Арад, 11 августа 1849 г.***

Herr General!

Sie kennen gewiß die traurige Geschichte meines Vaterlandes; ich verschone Sie demnach mit einer ermüdenden Wiederholung aller jener auf eine unheimliche Weise zusammenhängender Begebenheiten, welche uns immer tiefer in den Verzweiflungskampf, erst um unsere legitimen Freiheiten, dann um unsere Existenz verwickelten. Der bessere und, ich darf es behaupten, auch der größere Teil der Nation hat diesen Kampf nicht leichtsinnig geführt, wohl aber mit Hülfe vieler Ehrenmänner, welche zwar nicht der Nation angehören, durch ihr Verhältniß zu derselben mit herein gezogen wurden, ehrlich siegreich bestanden.

Da gebot es die Politik Europas, daß S[ein]e Majestät der Kaiser von Russland mit Österreich sich verbinde, um uns zu besiegen, um den ferneren Kampf für Ungarns Verfassung unmöglich zu machen. Es geschah.

* Перевод с французского П. В. Мошечкова.

Viele der echten, wahren Patrioten Ungarns hatten dies vorausgesehen und auch warnend vorausgesagt. Die Geschichte unserer Tage wird einst enthüllen, was die Majorität der provisorischen Regierung Ungarns dazu bewog, ihr Ohr von jenen warnenden Stimmen zu verschließen.

Die provisorische Regierung ist nicht mehr. Die höchste Gefahr hatte sie am schwächsten gefunden. Ich, der Mann der Tat, aber nicht der vergeblichen, erkannte ein ferneres Blutvergießen als unnütz, als unheilbringend für Ungarn, wie ich dies bereits im Beginne der russischen Intervention erkannte.

Ich habe heute die provisorische Regierung aufgefordert unbedingt abzudanken, weil ihr Fortbestehen die Zukunft des Vaterlandes nur von Tag zu Tag trüber, bedauernswerther gestalten könne. Die provisorische Regierung erkannte dies und dankte freiwillig ab, die höchste Gewalt in meine Hände niederlegend.

Ich benütze diesen Umstand nach meiner besten Überzeugung, um Menschenblut zu schonen, um meine friedlichen Mitbürger, welche ich ferner zu verteidigen zu schwach bin, wenigstens von dem Elende des Krieges zu befreien, indem ich unbedingt die Waffen strecke, und dadurch vielleicht den Impuls gebe, dass die Führer aller von mir getrennten Abteilungen der ungarischen Streitmacht gleich mir erkennend, dass dies gegenwärtig für Ungarn das beste sei, in Kurzem das gleiche zu tun. Ich vertraue hierbei auf die vielgerühmte Großmut S[eine]r Majestät des Czars, das er so viele meiner braven Kameraden, welche durch die Macht der Verhältnisse als frühere österreichische Offiziere verwickelt wurden, nicht einem traurigen ungewissen Schicksale, und die tiefgebeugten Völker Ungarns, welche auf seine Gerechtigkeitsliebe bauen, nicht wehrlos der blinden Rachewuth ihrer Feind preisgeben werde. Es dürfte ja vielleicht genügen, wenn ich allein als Opfer fiele!

Diesen Brief adressiere ich an Sie, Herr General, weil Sie es waren, der mir zuerst Beweise jener Achtung gab, welche mein Vertrauen gewannen. Beeilen Sie sich, wenn Sie fernerem unnützen Blutvergießen Einhalt tun wollen, den traurigen Akt der Waffenstreckung in der kürzesten Zeit, jedoch der Art möglich zu machen, dass er nur vor den Truppen S[eine]r Majestät des Kaisers von Russland stattfinde; denn ich erkläre feierlich, lieber mein ganzes Korps in einer verzweifelten Schlacht gegen was immer für eine Übermacht vernichten zu lassen, als die Waffen vor österreichischen Truppen unbedingt zu strecken.

Ich marschiere morgen den 12. August nach Világos, Übermorgen den 13. nach Borosjenő, den 14. nach Bél, welches ich Ihnen aus dem Grunde mitteile, damit Sie mit Ihrer Macht zwischen den österreichischen und meine eigenen Truppen ziehen, um mich einzuschließen und von jenen zu trennen.

Sollte dieses Manöver nicht gelingen, und die österreichischen Truppen mir auf dem Fuße folgen, so werde ich ihre Angriffe entschieden zurückweisen und mich gegen Großwardein ziehen, um auf diesem Wege die kais[erliche] russische Armee zu erreichen, vor welcher allein meine Truppen sich bereit erklärten, die Waffen freiwillig abzulegen.

Ich erwarte Ihre gerechte Antwort in kürzester Zeit und schließe mit der Versicherung meiner unbegrenzten Hochachtung.

Alt-Arad, am 11. Aug. 1849, 9 Uhr Abends

Arthur Görgei

ungarischer Gen<eral>

Копия с оригинала: РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 23. №5; HU-MNL-OL. Mikrofilmtár. 4366.

Собственноручная копия, сделанная А. Гёпреем: HL. Absolutizmuskori iratok 113/24. cs. Aradi cs. kir. rendkívüli haditörvényszék 2/179.

Опубликовано с копии в: *Memorien von Georg Klapka*. S. 235–236.

Перевод на венгерский язык см.: *Katona T. Az aradi vértanúk*. 292–294. old.

Перевод на русский язык см.: *Лухутин М.* Записки о походе в Венгрию в 1849 г. С. 234–237; *Усмирение Венгрии 1848–1849*. С. 348–350; *Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 500–502.

Ореус И. Описание венгерской войны 1849 г. Приложения. С. 113.

Перевод

Господин генерал!

Вам, без сомнения, известна горестная история моего отечества. Я не стану утруждать вас повторением событий, состоящих между собой в непостижимой связи и вовлекших нас в отчаянную борьбу — сначала за наши законные преимущества, а потом за самое существование. Лучшая и, смею верить, большая часть народа не искала легкомысленно этой борьбы, но выдержала ее с честью, твердостью и успехом, при помощи многих честных людей, не принадлежащих к венгерскому народу, но по связям своим вовлеченных в борьбу вместе с нами. Европейская политика требовала, чтоб Император России соединился с Австрией для покорения нас и тем

сделал невозможной дальнейшую борьбу за конституцию Венгрии. Так и случилось. Многие венгерские патриоты предвидели и предвещали это. История нашего времени обнаружит, что именно заставило большинство венгерского временного правительства не послушать голоса предвещателей. Временное правительство более не существует. В минуту величайшей опасности оно показало себя слабым. Я — человек действия, но не действия бесплодного, признал дальнейшее кровопролитие бесполезным и пагубным для Венгрии; я признал это при самом начале русского вмешательства; и ныне я пригласил временное правительство сложить свою власть безусловно, потому что дальнейшее его существование сделало бы будущность отечества более горестным, более плачевным. Временное правительство, признав это, добровольно отказалось от своей власти и передало ее мне*. Я, по крайнему моему убеждению, пользуюсь этим обстоятельством для предупреждения дальнейшего пролития человеческой крови и бедствий моих мирных сограждан, которых с моими слабыми силами я не в состоянии долее защищать, по крайней мере от бедствий войны, и безусловно складываю оружие, а это, может быть, послужит поводом к тому, что и все другие предводители отдельных от меня отрядов венгерских войск, признав, как я, что ныне для Венгрии ничего лучшего невозможно сделать, вскоре последуют моему примеру. Вполне уверенный в прославленном великодушии Его Величества Российского Императора, я надеюсь, что многочисленных храбрых моих товарищей, бывших прежде австрийскими офицерами и вовлеченных силой обстоятельств в несчастную против Австрии борьбу, — он не предаст неверной и горестной судьбе, а народы Венгрии, много уже страдавшие и надеющиеся на его правосудие, не оставит без защиты от слепой мстительной злобы их врагов. Может быть, достаточно будет, чтоб я один пал жертвой. Я обращаюсь к вам, г. генерал, с этим письмом, потому что вы первый дали мне доказательства уважения, внушающие мне доверие. Если вы желаете остановить дальнейшее бесполезное пролитие крови, то поспешите исполнить в самое короткое время горестное совершение дела — сложение оружия, но таким образом, чтоб это было исполнено только перед войсками Его Величества Русского Императора, ибо я торжественно объявляю,

* Речь идет о событиях 11 августа 1849 г.

что скорее решусь подвергнуть весь мой корпус истреблению в отчаянной битве против сильнейшего противника, чем безусловно сложить оружие перед австрийскими войсками.

Завтра, 12 августа, я иду в Вилягош, послезавтра, 13 числа, — в Борош-Иено, а 14 числа — в Беель, о чем я сообщаю вам для того, чтобы вы со своими войсками могли направиться между австрийскими и моими войсками и таким образом окружить меня и отделить от первых. Если это движение не будет иметь успеха, и австрийские войска станут следовать за мной, то я с решимостью отражу нападение их и путь свой направлю к Гросс-Вардейну для настижения по этой дороге русской армии, единственно перед которой войска мои изъявили готовность добровольно сложить оружие. Я ожидаю вашего ответа в самое кратчайшее время, прошу принять уверение в моем беспредельном к вам уважении. Альт-Арад. 11 августа в 9 часов вечера. Артур Гергей (венгерский генерал).

5

И. Ф. Паскевич — Николаю I. Береттёуфалу, 2 [14] августа 1849 г.

Канц. В. М. 19 августа 1849

По секр. журн. к № 174 на стол
к № 174 вход. журн.

Всемилостивейший Государь,

Что я предвидел, то и случилось. Я говорил князю Шварценбергу, что, может быть, что венгерские войска положат оружие перед вашими войсками, а не австрийскими. Тогда что мне делать: он не хотел меня уполномочить: сбылось по моему предсказанию.

Я нахожусь в большом недоумении: Гергей отдается на ваше великодушие. Можно ли мне отдать на смерть всех, которые отдаются на вашу благодать.

Ганау* в состоянии строже наказать их за то, что они перед вашими войсками положили оружие. Венгрия у ног ваших. Война

* Речь идет о Ю. Хайнау (Гайнау).

оканчивается, но, если другие войска узнают, что отдаются австрийцам, война может продолжаться.

Амнистия нужна: по конвенции* я не имею права, но император Австрии не может не согласиться на амнистию, которая успокоит край. Политика сего требует. В записке, здесь прилагаемой, я имею счастье изложить мое мнение.

Я уверен, что во всяком случае наказанных будет мало, но в продолжении нескольких лет край будет в волнении. Надобно успокоить. Венгерский народ с большим характером. Сто тысячи австрийцев не удержат их в повиновении. Зичи** самый честной и благородный человек: он знает свой край. Он говорит, что, если не дадут прежней старой конституции, он не отвечает за два года.

Письмо Вашего Императорского Величества имел счастье получить. Я начинаю уже понемногу движение войск к границам, но не знаю, где мы их поместим, если Галиция не будет нашими войсками занята. Я хотел сказать, одним корпусом. Слава Богу, что война кончилась, и войска ваши очень хороши и в порядке: могут начинать новую войну.

Припадаю к вашим ногам с благодарностью, что Вы позволили мне Великому Князю Константину Николаевичу представить крест Егоревской***. Он не пишет, потому что я остановился на половине дороги, дабы послать это письмо.

С глубочайшим благоговением и с таковою же преданностью имею счастье быть

Вашего Императорского Величества Всемиловитейшего Государя

верноподданный

1849 года. Августа 3**** (15). М. Беретіо Ульфало

князь Варшавский Граф Паскевич Эриванский

Оригинал: РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18383. Л. 61–62 об. Перевод на венгерский язык см.: *Rosonczy I.: A biztos győzelem tudatában.* 255–257. old.

* Речь идет о русско-австрийском соглашении от 10 июня 1849 г.

** Граф Ференц Зичи (1811–1900), прикомандированный летом 1849 г. к русской армии в качестве верховного комиссара австрийского правительства.

*** Имеется в виду Георгиевский крест.

**** Зачеркнуто: 2. Правильная дата 2 (14) августа.

Ф. В. Ридигер — И. Ф. Паскевичу.
Шиманд, 8 [20] августа 1849 г.

1849 августа 8/20, Шиманд

Ваша Светлость,

Вчерашнего числа посетил меня из Арада Генерал граф Шлик**. Корпусный этот командир принадлежит, как Вашей Светлости неизвестно, к ограниченному числу австрийских военных начальников, пользующихся общим уважением как по военным своим достоинствам, так и по качествам ума и дела. Поэтому я весьма был любопытен узнать мнение его по важному во многих отношениях вопросу о том, как поступлено будет его правительством с этою громадною массою лиц, которые в преступном ослеплении своем, приняв более или менее деятельное участие в общем венгерском восстании, добровольно ныне складывают оружие перед войсками Августейшего монарха и умоляют милосердие его Императорского Величества. Какое было мое удивление или, правильнее выражаясь, душевное мое прискорбие, когда из слов графа Шлика я вполне убедился, что главное чувство, которое руководствовать будет австрийцами, при решении участи обезоруженных их врагов, будет единственно исключительное чувство мести. Это чувство, столь часто и столь явно уже обнаружившееся в действиях австрийцев в отношении к побежденным, в настоящих обстоятельствах тем, по-видимому, будет сильнее, что народное их самолюбие понесло глубокий удар от упорства венгерцев покориться одним только русским.

Светлейший Князь, Вам известен мой образ мыслей в отношении к нарушителям спокойствия и к изменяющим присяге в верности к престолу. Я первый скажу, что меч правосудия должен пасть на главу виновных. Ни малейшему не подлежит сомнению, что всякий государственный преступник должен быть подвергнут строжайшему, какое только заслужил, наказанию. Но предстоящий приговор над судьбою положивших оружие венгерских мятежников сопряжен с многочисленными, достойными глубокого размышления обстоятельствами. Все эти обстоятельства не ускользнули

* Франц фон Шлик (1789–1862), командующий 1-м австрийским корпусом.

от пронизательного взора Вашего Сиятельства. Я не войду в разбирательство тех из них, которые мог постигнуть сам; но два обстоятельства я долгом считаю почтительнейше повергнуть на благоусмотрение Вашей Светлости:

1) Все добросовестные и суждениями своими заслуживающие некоторое внимание австрийцы сами признают и явно говорят, что главнейшую причину как начала, так и продолжения венгерского мятежа должно преимущественно приписать действиям самого австрийского правительства.

2) Предводитель главных военных сил крамольников со всеми своими сподвижниками, желая прекратить дальнейшее пролитие человеческой крови и все другие неисчислимы ужасы отчаянной борьбы, добровольно преклоняет колено и безусловно предает судьбу свою, как и судьбу более 20 000 воинов, человеколюбивому покровительству главного вождя русского воинства и милосердному решению русского царя.

К сему заметить еще должно, что столь значительная армия, беспринужденно покорившаяся, а не с боя положенная, представляет собой случай не предвиденный, сколько мне кажется, заключенным с Австриею уговором о передаче пленных.

Неужели всего этого недостаточно, чтобы, с одной стороны, австрийцы, ударив себя в грудь, старались, по возможности, смягчить положение людей, ими же самими направленных на путь неминуемой гибели, а с другой стороны, чтобы мы, русские, не оставили без поддержки людей, в полном к нам доверии отказавшихся от всякого средства к личной защите от угрожающей им опасности?

Но нет. Русское имя слишком тесно связано с предстоящим решением судеб целого народа, чтобы Ваша Светлость, по теплым чувствам своим к Отечеству нашему, не воспользовались событием этим, дабы представительством своим у Всемиловитейшего Государя Императора нашего внести новый доблестный подвиг в скрижали русской истории.

Если я принимаю смелость столь откровенно выразить свои мысли по делу, в котором Вашему Сиятельству угодно было предоставить мне некоторое участие, то это потому, что я надеюсь на благосклонную Вашей Светлости ко мне снисходительность.

Перед самым окончанием почтительнейшего сего письма, я имел честь получить предписание Вашей Светлости о передаче

вышеупомянутых венгерских пленных австрийским военным властям. Я тотчас же исполню волю Вашей Светлости, но не могу вновь не поручить участи этих людей милостивому вниманию Вашей Светлости.

Имею честь быть с глубоким почтением и беспредельною преданностью Вашей Светлости покорнейший слуга

Граф Ридигер

Оригинал: РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 65. Л. 27–30; Копия: РГВИА. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Док. № 45.

Публикацию на русском языке см.: Записки Петра Кононовича Менькова. Т. III. С. 286–289.

Перевод на венгерский язык см.: *Rosonczy I. Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-levél. 170–172. old.*

7

И. Ф. Паскевич — Ф. В. Ридигеру. Надьварад, 9 [21] августа 1849 г.

Милостивый Государь Граф Фёдор Васильевич,

На письмо Ваше от 8-го (20-го) августа уведомляю Ваше сиятельство, что я ходатайствовал у его Императорского Величества о прощении Гергея. Государь Император, в милостивом внимании к оказанной Гергеем услуги, соизволил писать о том же к Его Величеству Императору Австрийскому; но при этом Всемилошвейшему Государю нашему благоугодно, ежели Австрийским Императором Гергею прощения даровано не будет, то в таком случае позволить ему жить в России.

Относительно облегчения участи добровольно покорившихся венгерских мятежников сделано мною все от меня зависящее. Я просил за них Императора Австрийского и ходатайствовал у Его Величества Государя нашего. Впрочем, австрийцы более говорят, нежели делают, до сего времени они многих взяли в плен, но еще не расстреляли никого и не приведут в исполнение угроз своих, чем докажут только свою слабость*.

* Паскевич ошибался, когда думал, что австрийцы не исполнят свои угрозы. За сложением оружия последовали казни: 20 августа 1849 г. в Темешваре выстрелом в голову был застрелен майор гонведной армии Дьюла Хруби,

Примите уверение в совершенном моем почтении
подписал: Князь Варшавский
верно: секретарь Иванов
9-го августа 1849 года, Гросс-Вардейн

Рукописная копия: РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 65. Л. 31–31 об.; копия: РГВИА. Ф. 167. Оп. 1. Д. 6. Док. №46.

Публикацию на русском языке см.: Записки Петра Кононовича Менькова в трех томах. Т. III. С. 289–290.

Перевод на венгерский язык см.: *Rosonczy I. Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-levél.* 172. old.

на следующий день после отправки письма Паскевича Ридигеру состоялась первая казнь в Араде: 22 августа 1849 г. перед чрезвычайным судом предстал полковник Норберт Ормаи (Ауффенберг), повешенный в тот же день.

Список сокращений

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, Москва

HL — Hadtörténelmi Levéltár, Budapest

HU-MNL-OL — Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest

Список географических карт

Карта 1. Положение сил сторон 21 мая 1849 г.

Карта 2. Положение сил сторон 15 июня — 17 июля 1849 г.

Карта 3. Положение сил сторон 18–31 июля 1849 г.

Карта 4. Положение сил сторон 1–26 августа 1849 г.

Список исторических географических названий

Абрудбана — ныне Абруд в Румынии

Аграм (нем.) — Загреб

Алшо-Кубин — ныне Дольни-Кубин в Словакии

Арад — ныне в Румынии, в документах также фигурирует как Альт-Арад/Оарад

Альтенбург (нем.) — Овар, ныне Мошонмадяровар в Венгрии

Бартфельд (нем.) — ныне Бардейов в Словакии; в венгерской традиции Бартфа

Бел — ныне Белиу в Румынии

Беленьеш — ныне Белюш в Румынии

Бистриц (нем.) — ныне Бистрица в Румынии; в венгерской традиции Бестерце

Борго, перевал — ныне Тихуца в Румынии

Борошенё — ныне Инеу в Румынии

Вартберг (нем.) — ныне Сенец в Словакии; в венгерской традиции Сенц

Вайцен (нем.) — Вац в Венгрии

Вершец — ныне Вршац в Сербии

Вилагош — ныне Шириа в Румынии

Галгоц — ныне Глоговец в Словакии

Германшадт — см. *Херманштадт*

Гран, река — ныне Грон в Словакии; в венгерской традиции Гарам

Гросс-Вардейн (нем.) — ныне Орадя Маре в Румынии; в венгерской традиции Надъварад

Дева — ныне в Румынии

Деш (венг./нем.) — ныне Деж в Румынии

Жибо — ныне Жибоу в Румынии

Жигард — ныне Жигарец в Словакии
 Жолна — см. *Силейн*
 Каниша — в современном написании Канижа в Венгрии
 Караншебеш — ныне Карансебеш в Румынии
 Карловац (нем.) — ныне Сремски-Карловцы в Сербии; в венгерской традиции Карлоца
 Карлсбург/Карлсбург (нем.) — ныне Альба-Юлия в Румынии; в венгерской традиции Дюлафехервар
 Кашау (нем.) — ныне Кошице в Словакии; в венгерской традиции Кашша
 Кёкёш — ныне Чичиш в Румынии
 Кишхедеш — ныне Мали Иджёш в Сербии
 Клаузенбург (нем.) — ныне Клуж-Напока; в венгерской традиции Коложвар
 Коморн (нем.) — ныне Комаром в Венгрии и Комарно в Словакии
 Кронштадт (нем.) — ныне Брашов в Румынии; в венгерской традиции Брашшо
 Лейтшау (нем.) — ныне Левоча в Словакии; в венгерской традиции Лёче
 Леопольдштадт (нем.) — ныне Леопольдов в Словакии; в венгерской традиции Липотвар
 Лошонц — ныне Лученец в Словакии
 Лугош/Лугос — ныне Лугож в Румынии
 Марамарошсигет — ныне Сигету-Мармацией в Румынии
 Марошвашархей/Марош-Вашаргели — ныне Тыргу-Муреш в Румынии
 Медиаш (нем./рум.) — ныне в Румынии; в венгерской традиции Меддеш
 Мункач — ныне Мукачев на Украине
 Надьбаня/Надьбанья — ныне Бая-Маре в Румынии
 Нейзац (нем.) — ныне Нови-Сад в Сербии; в венгерской традиции Уйвидек
 Нейзоль (нем.) — ныне Банска-Бистрица в Словакии, в венгерской традиции Бестерцебаня
 Оденбург (нем.) — Шопрон в Венгрии
 Ойтуз, горный перевал — ныне в Румынии, в венгерской традиции Ойтоз
 Ольмюц (нем.) — Оломоуц в Чехии

Орсова/Оршова — ныне в Румынии
 Офен (нем.) — Буда, ныне часть Будапешта
 Перед — ныне Тешедиково в Словакии
 Петервардейн (нем.) — ныне Петроварадин в Сербии; в венгерской традиции Петерварад
 Прерау (нем.) — Пршеров в Чехии
 Пресбург (нем.) — ныне Братислава; в венгерской традиции Пожонь
 Рааб (нем.) — Дьёр в Венгрии
 Римасомбат/Рима-Сомбат — ныне Рима-Собота в Словакии
 Ротентурм (нем.) — ныне Турну-Рошу (перевал) в Румынии, в венгерской традиции Вёрёшторонь
 Санкт-Георген/Сен-Георги (нем.) — ныне Сфынту-Георге в Румынии; в венгерской традиции Шепшисентдёрдь
 Санкт-Мартин/Сан-Мартин (нем.) — ныне Мартин в Словакии; в венгерской традиции Туроцсентмартон
 Сепешшег, область — ныне Спеш в Словакии; в немецкой традиции Ципс
 Сигет — см. *Марамарошсигет*
 Силейн (нем.) — ныне Жилина в Словакии; в венгерской традиции Жолна
 Суботица (серб.) — в венгерской традиции Сабадка, в немецкой — Мария-Терезиополь, ныне в Сербии.
 Темешвар — ныне Тимишоара в Румынии
 Тисса, река — в современном написании Тиса
 Тител/Титель — ныне в Сербии
 Тырнау (нем.) — ныне Трнава в Словакии; в венгерской традиции Надьсомбат
 Удвархей/Удваргели — ныне Одорхею-Секуеск в Румынии
 Унгариш-Градиш (нем.) — ныне Угерске Градиште в Чехии
 Унгвар — ныне Ужгород на Украине
 Фачет/Фачад — ныне Фэжет в Румынии
 Фиуме — ныне Риека в Хорватии
 Хатцег — ныне Хацег в Румынии
 Хедеш — см. *Кишхедеш*
 Херманштадт (Германштадт) (нем.) — ныне Сибиу в Румынии; в венгерской традиции Надьсебен
 Чеге — ныне Тисачеге в Венгрии

Чиксереда — ныне Меркуря-Чук в Румынии

Шегешвар — ныне Сигишоара в Румынии

Шемниц (нем.) — ныне Банска Штьявница в Словакии, в венгерской традиции Шелмецбаня

Шибо — см. *Жибо*

Шомош — ныне Дриенов в Словакии

Эперьеш/Эпериеш — ныне Прешов в Словакии

Эсек — ныне Осиек в Хорватии

Яд — ныне Ливезиле в Румынии

Избранная библиография по теме Венгерского похода русской армии в 1849 г.

1. Опубликованные источники

- Австрийская революция 1848 г. и Николай I / публикация Р. А. Авербух // Красный архив. М., 1938. № 4–5. С. 155–207.
- Алабин П. Русские в Венгрии в 1849 г. (из походных заметок) // Русская старина. 1882. Т. 35. № 7. С. 91–112.
- Баумгартен А. К. Дневник 1849 г. / с предисловием и примечаниями П. Н. Симанского // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 4. С. 14–56.
- Богдановский Н. Из воспоминаний о венгерской и крымской кампаниях // Русская старина. 1893. № 1. С. 241–245.
- «Буде можно, без пролития дорогой русской крови». Венгерский поход 1849 г. в переписке великого князя Константина Николаевича с императором Николаем I и цесаревичем Александром Николаевичем / публикация И. С. Чиркова // Исторический архив. 2011. № 3. С. 119–157; № 4. С. 167–181.
- «Было что-то особенно тягостное во всей этой церемонии...». Сдача венгерского революционного войска в августе 1849 г. глазами русского офицера / публикация А. С. Стыкалина // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Ставрополь, 2019. Вып. VII. С. 152–166.
- Вержбицкий В. Г. Сочувствие передовых офицеров и солдат русской армии венгерской революции 1848–49 гг. // Исторический архив. 1962. № 4. С. 121–133.
- Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. М., 1885. № 12. С. 510–538.
- Годы восстания в Венгрии // Вестник Европы. СПб., 1883. № 4. С. 613–640.
- Граббе П. Х. Записная книжка графа П. Х. Граббе. М., 1888.

- Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года (адъютанта графа Ф. В. Ридигера) // Русская старина. СПб., 1898. № 6. С. 491–522.
- Дараган М.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб., 1859.
- Дельви́г А. И.* Полвека русской жизни 1820–1870: в 2 т. М., 1930. Т. 1. Дневник барона Л. П. Николаи, веденный во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская старина. СПб., 1877. Т. XX. № 9–12 (сентябрь — декабрь). С. 223–251.
- Записки Петра Кононовича Менькова: в 3 т. / под ред. А. М. Зайончковского. СПб., 1898. Т. I. Дунай и немцы, 1853–1855; Т. II. Дневник, 1833–1875; Т. III. Сборник статей: Материалы, относящиеся к Венгерской войне 1849 года.
- Исаков Н. В.* Венгерская кампания 1849 г. // Исторический вестник. СПб., 1913. № 3. С. 836–840.
- Лебедев П. С.* Воспоминания о главнокомандующем Гвардейским и Гренадерским корпусами г. Ф. В. Ридигере. СПб., 1856.
- Лихутин М.* Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875.
- Лугинский Б.* О походе в Венгрию в 1849 году (Записки пехотинца) // Москвитянин. 1855. № 8. С. 83–118; № 10. С. 50–84.
- Материалы для истории венгерской войны, в 1849 году. (Сообщено генерального штаба генерал-лейтенантом Меньковым) // Военный сборник. 1875. № 6. С. 191–212.
- Михаловский Е. Е.* Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 года. Страница из истории 1 батареи 4 артиллерийской бригады / опубликовал Ив. Павлов // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1910. № 5. С. 1–17.
- Николай I и европейская реакция 1848–1849 гг. / публикация Р. А. Авербух // Красный архив. М.; Л., 1931. № 4–5. С. 3–49.
- «Преобладающим чувством русских было сожаление об унижении врага...» / публикация А. Стыкалина // «Русофил: русская философия, культура, история». URL: <http://russophile.ru/2019/08/08/преобладающим-чувством-русских-было/> (дата обращения: 17.09.2021).
- Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вст. ст. и ком. М. Ю. Дронова. М., 2020.
- Сонцов Д.* Из воспоминаний о венгерской кампании (Заметки участника и очевидца). М., 1871.

Усмирение Венгрии. 1848–1849 / сост. Г. Ю. Пернавский. М., 2011.
Фатеев А. День сдачи венгров (Из воспоминаний о походе в Венгрию, в 1849 г.) // Русская беседа. М., 1859. № 4. С. 59–66.

Beniczky Lajos bányavidéki kormánybiztos és honvédezredes visszaemlékezései és jelentései az 1848/49-iki szabadságharcról és tót mozgalmáról/ Sajtó alá rend. és bev. L. Steier. Budapest 1924.

Budavár bevételének emlékezete 1849 /vál., szerk., bev. és jegyz. T. Katona; sajtó alá rend. R. Hermann, I. Pelyach, T. Tirts. Budapest, 1989.

Campania militară țaristă în Țările Române la 1848–1850. Documente militare. Vol. III. Komarov & Nepocoicițchi: Jurnalul de campanie / coordonare E. Cosma; editarea documentelor rusești T. Onilov, A. Stîcalin-Colin, A. Stykalin. Cluj-Napoca; Gatineau, 2016–2017.

Correspondence Relative to the Affairs of Hungary 1847–49; presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty, 15 August 1850. London, [1850].

Csány László kormánybiztosi iratai 1848–1849 / sajtó alá rend. R. Hermann. Zalaegerszeg, 1998. I–II. köt.

Együtt a szabadságért 1848–1849. Wysocki tábornok emlékiratai. A magyarországi lengyel légió részvétele az 1848-as szabadságharc hadjárataiban / ford., szerk. I. Kovács. Budapest, 1993.

Fatyjejev A. Világostól – Krímig: egy magyarbarát orosz huszártiszt emlékeiből / ford. I. Horváth, K. Zsatkovics. Budapest, 2011.

Görgey A. Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848 und 1849. Leipzig, 1852. Bde. I–II.

Görgey A. My Life and Acts in Hungary in the Years 1848 and 1849. New York, 1852. Vols. I–II.

Görgey A. Életem és működésem Magyarországon 1848-ban és 1849-ben /ford. I. Görgey; bev. és jegyz. T. Katona. Budapest, 1988. I–II. köt.

Görgei Artúr válogatott írásai. Értekezések, vitairatok, cikkek, interjúk 1848–1915 / vál. és sajtó alá rend. R. Hermann. Budapest, 2018.

Hadaink vonulnak. K. R. Szemjakin orosz ezredes magyarországi levelei 1849-ből / az iratokat gyűjt., ford., bev. és jegyz. I. Rosonczy. Budapest, 2014.

Hermann R. — Kincses K. M. Az 1848–49-es forradalom és szabadságharc korabeli ábrázolásokon II. Arcképek és zsánerképek. A Hadtörténeti Múzeum Képzőművészeti Gyűjteményének műtárgykatalógusa.

- = Die Revolution und Freiheitskampf 1848/49 auf zeitgenössischen Darstellungen. Porträts und Genrebilder. Kunstobjektkatalog der Kunsthistorischen Sammlung des Kriegshistorischen Museums. Budapest, 2012.
- [*Heydte A., von*]. Der Sommerfeldzug des Revolutionskrieges in Siebenbürgen im Jahre 1849. Von einem Veteranen. In: Der Revolutionskrieg in Siebenbürgen in den Jahren 1848 und 1849. Leipzig, 1863. Bd. II.
- Katona T.* Az aradi vértanúk. 4. átdolgozott kiadás, Budapest, [é. n.]
- Kincses K.M.* Az 1848–49-es forradalom és szabadságharc korabeli ábrázolásokon. Politikai és hadi eseményekről készült metszetek és litográfiák. A Hadtörténeti Múzeum Képzőművészeti Gyűjteményének műtárgykatalógusa. = Die Revolution und Freiheitskampf 1848/49 auf zeitgenössischen Darstellungen. Schnitte und Lithographien über politische und Kriegsereignisse. Kunstobjektkatalog der Kunsthistorischen Sammlung des Kriegshistorischen Museums. Budapest, 2010
- [*Klapka G.*] Memorien von Georg Klapka. April bis October 1849. Leipzig 1850.
- Kossuth Lajos 1848/49-ben. V. köt. Kossuth Lajos kormányzóelnöki iratai. 1849. április 15 – augusztus 15 / sajtó alá rend. I. Barta. Budapest, 1955. (Kossuth Lajos Összes Munkái. XV. köt.).
- Kossuth Lajos. Írások és beszédek 1848–1849-ből / sajtó alá rend. T. Katona. Budapest, 1988.
- Kossuth Lajos és Görgei Artúr levelezése 1848–1849 / sajtó alá rend. R. Hermann. Budapest, 2001.
- Kővári L.* Okmánytár az 1848–49-ki erdélyi eseményekhez / Pest–Kolosvár, 1861.
- A magyarországi hadjárat 1849. Orosz szemtanúk a magyar szabadságharcról / ford. és összeáll. Zs. Gerencsér, I. Rosonczy, T. Katona. Budapest, 1988.
- Nyepokojcsickij A.A.* Az erdélyi hadjárat orosz szemmel 1849 / ford. és összeáll. I. Rosonczy. Budapest, 1999.
- Pap D.* Okmánytár Magyarország függetlenségi harczának történetéhez, 1848–1849 / Pest, 1868–1869. I–II. köt.
- [*Ramming W.*] Der Feldzug in Ungarn und Siebenbürgen im Sommer des Jahres 1849. Pesth, 1850.
- Rosonczy I.* Egy orosz ezredes, A.K. Baumgarten 1849-es naplója // Hadtörténelmi Közlemények. 2012. 125. évf. 1. sz. 191–237. old.

- Rosonczy I.* A magyar szabadságharc elleni 1849-es orosz intervenció iratai // Hadtörténelmi Közlemények. 2013. 126. évf. 1. sz. 177–186. old.
- Rosonczy I.* Görgei orosz fogságával kapcsolatos dokumentumok // Hadtörténelmi Közlemények. 2018. 131. évf. 1. sz. 121–137. old.
- Rosonczy I.* Paszkevics tábornagy és a hadtörténész Menykov az 1849-es magyar hadjáratról // Hadtörténelmi Közlemények. 2021. 134. évf. 2. sz. 349–381. old.
- Scserbatov A.P.* Paszkevics Magyarországon / ford. Zs. Gerencsér; szerk. T. Katona. Budapest, 1984.
- Steier L.* Haynau és Paskievics. Ismeretlen adalékok az 1848–49-iki szabadságharc történetéhez. Budapest, [1926]. I–II. köt.
- Szemere B.* Politikai jellemrajzok a magyar szabadságharcból. Okmánytár / sajtó alá rend., bev., összeáll. és jegyz. R. Hermann és I. Pelyach. Budapest, 1990.
- Tomaszewicz W.* Dziennik oficera rosyjskiego z kampanii węgierskiej 1849 roku / oprac. T. Epsztein. Warszawa, 2010.
- Von der Revolution zur Reaktion. Quellen zur Militärgeschichte der ungarischen Revolution 1848–49. / bearb. von R. Hermann, Th. Kle-tečka, E. Gmoser und F. Lenkefi; hrsg. von Ch. Tepperberg und J. Szijj. Wien; Budapest, 2005.

II. Литература

- Авербух Р.А.* Царская интервенция в борьбе с Венгерской революцией 1848–1849. М., 1935.
- Авербух Р.А.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии (1848–1849 гг.). М., 1965.
- Виноградов В.Н.* Венгерский поход И. Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 80–96.
- Воронов А.* «Ольгины гусары». Бой русских и венгерских гусар у Тура 8 (20) июля 1849 года // Цейхгауз. М., 2001. № 1. С. 22–28.
- Германи Р.* Русские войска в Венгрии в 1849 году. Будапешт, 2002.
- Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2001.
- Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П.* Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней / отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991.

- История Венгрии в 3 т. / редкол.: Т.М. Исламов, А.И. Пушкаш, В.П. Шушарин. М., 1972. Т. 2.
- Колин А.И., Стыкалин А.С. Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. Воспоминания очевидца // Славянский альманах. 2013. М., 2014. С. 511–528.
- Колин А.И., Стыкалин А.С. «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи / отв. ред. И.В. Крючков, О.В. Павленко. Ставрополь, 2018. С. 149–178.
- Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
- Кривопазов А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019.
- Международные научные конференции, посвященные истории Венгрии и российско-венгерских отношений // Славяноведение. 2003. № 5. С. 63–72.
- [Меньков П.К.] Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849-м году. СПб., 1851.
- Нидерхаузер Э. Славянские народы империи Габсбургов в революции 1848 года // Славяноведение. 1998. № 6. С. 29–42.
- Нифонтов А.С. Россия в 1848 г. М., 1949.
- Ореус И. Описание венгерской войны 1849 г. СПб., 1880.
- Орлик И.И. Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 21–40.
- Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / редкол.: Л.А. Кирилина, А.С. Стыкалин, О.В. Хаванова (отв. ред.). М., 2018.
- Революции 1848–1849 / под ред. Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. М., 1952. Т. I–II.
- Рошонци И. Венгерская кампания российских войск в 1849 году // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели / отв. ред. И.В. Крючков, О.В. Павленко. Ставрополь, 2014. Вып. 5. С. 48–56.

- Рошонци И.* Роль железнодорожного сообщения в оказании Россией военной помощи Австрии в мае 1849 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 3–4. С. 32–49.
- Рошонци И.* Тема славянского языкового родства и многоязычия в воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерской кампании 1849 г. // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 2(11) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2020. С. 61–79.
- Стыкалин А. С.* Правда и вымысел о реакции российского общества на венгерскую революцию 1848 г. Венгерская кампания 1849 г. и капитан Гусев // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 38–54.
- Стыкалин А. С.* Венгерская революция 1848–1849 гг.: взгляд через 170 лет // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 29–45.
- Стыкалин А. С.* Столетний юбилей начала венгерской революции 1848 г. в контексте советско-югославского конфликта // Центральноевропейские исследования. 2018. Вып. 1(10) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2019. С. 67–89.
- Стыкалин А. С.* Капитуляция венгерского революционного войска в августе 1849 г. глазами русских офицеров // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 5: История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых: сборник научных трудов / отв. ред. Н. В. Дунаева, С. Г. Кащенко. СПб., 2020. С. 120–137.
- Херманн Р.* Целую руки вашему величеству. Об одном несостоявшемся жесте // RussianStudiesHU. 2020. С. 133–149.
- Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. 1848–1849. СПб., 1899. Т. 6.
- Юхас К.* 6 октября — День памяти арадских мучеников в зеркале истории: практики коммеморации, местные и фольклорные традиции // Центральноевропейские исследования. 2018. Вып. 1(10) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2019. С. 17–46.
- 1848–1849. A forradalom és szabadságharc képes története. Szerk. R. Hermann, szerzők: G. Bona, T. Csikány, T. Dobszay, J. Estók, Z. Fónagy, R. Hermann, Gy. Kedves, I. Pelyach, A. Urbán, P. Zakar. Debrecen, [2009].
- Albert E.* Eltiport szabadság. Jöttek az oroszok, 1849. Sepsiszentgyörgy, 1999.

- Andics E.* A Habsburgok és Romanovok szövetsége. Az 1849. évi magyarországi cári intervenció diplomáciai előtörténete. Budapest, 1961.
- Armies, Commanders, Leaders in Transylvania (1848–1849)* / volume of studies coordinated by E. Cosma ; English translations by E. Cosma, H. Cosma, C. Ivaneş [et al.] = *Armate, comandanți, conducători în Transilvania (1848–1849)* / volum de studii coordonat de E. Cosma; traducerii în limba engleză de E. Cosma, H. Cosma, C. Ivaneş [et al.]. Cluj-Napoca; Gatineau, 2013. (Biografii istorice transilvane, VII).
- Barcy Z., Somogyi Gy.* A szabadságharc hadserege. Budapest, 1986.
- Bona G.* A szabadságharc fegyveres ereje // *Hadtörténelmi Közlemények*. 1998. 111. évf. 1. sz. 3–27. old.
- Bona G.* Tábornokok és törzstisztek az 1848/49. évi szabadságharcban: 3. átdolg., bővített kiadás. Budapest, 2000.
- Breit J.* Magyarország 1848/1849. évi függetlenségi harcának katonai története / Budapest, 1898. I–III. (2. kiadás 1930.)
- Csikány T.* A honvédtüzérség az 1848–1849-es szabadságharcban. Budapest, 2000.
- Csikány T.* A szabadságharc hadművészete 1848–1849. Budapest, 2015.
- Csorba Gy.* Hungarian Diplomatic Envoys in Constantinople during the Hungarian Revolution and War of Independence on 1848–1849 // *Şerefe. Studies in Honour of Prof. Géza Dávid on his Seventieth Birthday* / ed. by P. Fodor, N. E. Kovács, B. Péri. Budapest, 2019. P. 541–560.
- Deák I.* The Lawful Revolution: Louis Kossuth and the Hungarians, 1848–1849. New York, 1979.
- Egyed Á.* Erdély 1848–1849. Csíkszereda, 2010.
- Gelich R.* Magyarország függetlenségi harca 1848–1849-ben. Budapest, [1882–1889.] I–III. köt.
- Gergely A.* 1848-ban hogy is volt? Tanulmányok Magyarország és Közép-Európa 1848–49-es történetéből. Budapest, 2001.
- Görgei Artúr, “a tiprott hős”. Válogatás a 2016. és 2018. évi Görgei-konferenciák előadásából / szerk. Á. Balogh, I. Bobay és R. Hermann. Budapest, 2020.
- Görgey I.* 1848 és 1849-ből. Élmények és benyomások. Okiratok és ezek magyarázata. Tanulmányok és történelmi kritika. Budapest, 1885–1888. I–III. köt.
- Gyalókey J.* Az első orosz megszállás és Erdély felszabadítása (1849. januárius 31 – március 28.). Budapest, 1931.

- Gyalókey J.* Az erdélyi hadjárat 1849 nyarán. Budapest, [1938].
- H. v. N.* Bericht über die Kriegsoperationen der russischen Truppen gegen die ungarischen Rebellen im Jahre 1849. Berlin, 1851. Bde. I–III.
- Haraszi É.* Az angol külpolitika a magyar szabadságharc ellen. Budapest, 1951.
- Hermann R.* Minisztertanács. Arad, 1849. augusztus 10. A világosi fegyverletétel előtörténetéhez // *História*. 1988. 10. évf. 2–3. sz. 52–54. old.
- Hermann R.* Megtorlás az 1848–1849-es forradalom és szabadságharc után. Budapest, 1999.
- Hermann R.* 1848–1849. A szabadságharc hadtörténete. Budapest, 2001.
- Hermann R.* Kossuth Lajos élete és kora. Budapest, 2002.
- Hermann R.* Az 1848–1849-es szabadságharc nagy csatái. Budapest, 2004.
- Hermann R.* Kossuth hadserege, Kossuth fővezérei. Budapest, 2007.
- Hermann R.* I. Ferenc József és a megtorlás. Budapest, 2009.
- Hermann R.* Forradalom és szabadságharc 1848–1849. Budapest, 2009.
- Hermann R.* Reformkor, forradalom, szabadságharc. Válogatott tanulmányok. Budapest, 2016.
- Hermann R.* A rendszerváltástól a megtorlásig. Tanulmányok az 1848–1849. évi forradalom és szabadságharc történetéből. Budapest, 2020.
- Hermann R., Kovács L.* Petőfi halála. Budapest, 2016.
- Kedves Gy.* A szabadságharc haderege I. A lovasság. Budapest 1992. 2. kiadás 1998.
- Kosáry D.* A Görgey-kérdés története. Budapest, 1994. I–II. köt.
- Kosáry D.* Magyarország és a nemzetközi politika 1848–1849-ben. Budapest, 1999.
- Kosáry D.* Hungary and international politics in 1848–1849. Boulder (Co); Highland Lakes; New York, 2003.
- Kovács E.* Bem a magyar szabadságharcban. Budapest, 1979.
- Kovács I.* József Bem. Bohater wiecznych nadziei. Przeł. M. Snopek. Warszawa, 2002.
- Kovács I.* Bem tábornok. Az örök remények hőse. Budapest, 2014.
- Oreusz I. I.* Oroszország háborúja a magyarok ellen 1849-ben / ford., sajtó alá rend., bev. I. Rosonczy, Budapest, 2002.
- Pásztai L.* A magyar honvédsereg harcászata az 1848–1849-es szabadságharcban. Budapest, 2013.

- Roberts I. W.* Nicholas I and the Russian Intervention in Hungary. London, 1991.
- Rosonczy I.* Egy honvédtiszt oroszországi fogságának története 1849-ből // Hadtörténelmi Közlemények 2013. 126. évf. 1. sz. 149–166. old.
- Rosonczy I.* A segesvári ütközet és Lüders orosz tábornok újraolvasott jelentései // Hadtörténelmi Közlemények 2013. 126. évf. 3. sz. 719–748. old.
- Rosonczy I.* Orosz fegyverekkel Ferenc Józsefért. Tanulmányok I. Miklós 1849-es magyarországi beavatkozásáról. Budapest, 2016.
- Rosonczy I.* Sceny galicyjskie. O rosyjskiej armii wyruszającej przeciwko Węgrom w 1849 roku. Przeł. D. Warmuz // Rocznik Krakowski. T. 83. Kraków, 2017. s. 153–161.
- Rosonczy I.* Egy 1849. augusztus 20-ai Rüdiger-levél előzményei és eredménytelensége // Hadtörténelmi Közlemények. 2019. 132. évf. 1. sz. 159–178. old.
- Rosonczy I.* A biztos győzelem tudatában. Miklós cár és fővezére az 1849-es magyar hadjáratról, Budapest, 2021.
- Spira Gy.* Az emlékiró Görgei első szárnypróbálgatása // Spira Gy. Vad tűzzel. Budapest, 2000. 269–289. old.
- A szabadságharc katonai története. Pákozdtól Világosig 1848–1849 / szerk. G. Bona. Budapest, 1998.
- Tragor I.* Vác története 1848–49-ben. Vác, 1908.
- Vámos E., Bebesi Gy.* Az orosz cári hadsereg intervenciós csapatainak szerepe az 1848–1849-es szabadságharc leverésében, Pécs, 2021.
- “Verekedni utolsó emberig”. A turai lovasütközet 1849. július 20.: tanulmányok / szerk. I. Rosonczy. Budapest, 2009.

Ildikó Rosonczy, Aleksandr Stykalin

**The Hungarian Campaign
of the Russian Army
in 1849.**

A Dialogue on the Research Problems

Abstract

The Hungarian Revolution of 1848–1849 was a serious challenge to the European global order set at the Congress of Vienna following the Napoleonic Wars of 1815. The unfavourable outcome of the revolution reflected the disinterest of the great European powers, including Russia, in destroying the Habsburg Monarchy, which was seen as the guarantor of the European equilibrium because of its position in the centre of the continent. The focus of the dialogue is on the Russian army's Hungarian campaign in the spring and summer of 1849, one of the largest in the Russian military history of the nineteenth century by the number of troops engaged in it. How realistic was the prospect of the collapse of the Habsburg Monarchy and, therefore, of a radical change in the configuration of forces in Central Europe if the Hungarian revolution were to win? What moved Russian Emperor Nicholas I when, after a lengthy period of hesitation, he resorted to military force to aid Vienna, sending a 200,000-strong army under the command of Field Marshal Ivan Paskevich, the foremost Russian commander of the day? Was there a chance to resolve the ethnic strife in Hungary that was weakening the revolution in the interests of saving it? How do Hungarian historians assess the decision of the commander of the Hungarian revolutionary army General Artúr Görgei to lay down arms against the numerically superior Russian army? Was it based on the expectation that Russia would mediate the conflict between the House of Habsburg and the Hungarian National Movement? Did the Hungarian campaign bring glory to the Russian arms, and was the intervention in the internal affairs of a neighbouring

power in the long-term interest of Russia in terms of foreign policy and geostrategy? What kind of stereotypes do researchers of the Hungarian Revolution and National Liberation Struggle of 1848–1849 have to face; what has been done by historians during last decades, what topics and problems do they consider as priority ones in the contemporary history? What was the historical significance (national and pan-European) of the Hungarian Revolution of 1848–1849, and what perspectives were unrealized by Hungary's defeat? Wouldn't the triumph of the Hungarian Revolution have brought about a radical reformatting of the Central European space, a geopolitical shift no lesser, if not more radical, than what happened fifteen–twenty years later with the unification of Italy, the creation of the dual Austro-Hungarian Empire, and the declaration of the German Empire? What place do the events of 1848–1849 have in contemporary Hungarian historical memory? Hungarian historian Ildikó Rosonczy tries to answer these and many other questions in a conversation with her Russian colleague Aleksandr Stykalin.

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 2 заседания Ученого совета
ФГБУН Институт славяноведения РАН от 26.10.2021)

Научное издание

Илдико Рошонци, Александр Сергеевич Стыкалин

ВЕНГЕРСКАЯ КАМПАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ 1849 ГОДА
Диалог о проблемах и исследованиях

Обложка:

В. Смоковский «Сложение оружия Гергеем и армией венгров пред корпусом
русских войск, находившихся под предводительством генерал-адъютанта
графа Ридигера 1/13 августа 1849 г.» (печатается по литографии из фондов
Венгерского военно-исторического музея).

Корректор *Е. Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *П. К. Донской*

Подписано в печать 05.04.2022. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 6,5. Тираж 500 экз. Заказ № 2737

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86